
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Вячеслав Михайлов
(г. Тула)

ПОГОНЯ

Родился в 1961 году в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Опубликовано более сорока научных работ, несколько очерков, одна книжка стихов. Печатался в сборнике «Иван-озеро», в журнале «Приокские зори».

Первым делом Валерка бегло обследовал хлопковое поле. Шастая по нему, заодно разогревался: поздней осенью южное солнце не справлялось уже с утренней прохладой, хотя днем было еще довольно тепло. Быстро понял: не добыть и десяти кило подбора за весь день, как ни пыхти, ни партизань,— машины и люди почистили тут все хорошенько. Горожане, вовлеченные в хлопкоуборочную кампанию — студенты, школьники, работники всевозможных организаций, предприятий — занимались не только сбором чистого хлопка, но также и подбирали хлопок, который оставался в полях после прохода комбайнов. Сбитый на землю или невыбранный из полураскрывшихся коробочек, он был запыленный, засоренный листьями, мелкими обломками хлопковых кустов, принимался и учитывался отдельно от чистого хлопка. Его и называли «подбор».

Валерка потратил еще полчаса и заглянул на два соседних поля. Те оказались не лучше: сезон клонится к закату, других, скорее всего, не будет. «Ну, и что теперь,— размышлял он, возвращаясь и на ходу забрасывая жалкие хлопковые комочки встречным девчонкам в фартуки*, подмигивая симпатиям.— Вот молодцы-то девчата: на какое поле ни привезут, хоть на голое с виду, проходят себе дисциплинированно одну пару рядов, берутся за другую, плывут тихо-тихо по бороздкам, чирикают, отдыхают... и набирают-таки свой махонький урожай. Хотя, нет, не все. А Катька... Томка из 9 «б» — Тома — Томочка: не хуже нас меняют ряды, в чужие лезут — те еще партизаны... Ну и? Побираться здесь не буду — надоело. Можно компанию клик-

* Для ручного сбора хлопка использовался довольно вместительный фартук квадратной формы из плотной хлопчатобумажной ткани, с длинными прочными завязками в углах. В нем же сборщики переносили и взвешивали хлопок.

нуть: поднатужимся, наскребем по полтора-два кило на подстилку — и в картишки где-нибудь под тутовником. Во второй половине дня еще придумаем, чем заняться. Завуч поверчит малость вечером и все,— знает Зоя, тоска смертная тут собирать... Или рискнем опять на хирман* заглянуть, где подбор чистят? В прошлый раз не вышло, но тогда народу много было вокруг: сторож, три тракториста подкатили груженные тележки, еще люди какие-то из совхозной конторы... Если сейчас движем — до обеда далеко, очень может быть, что один сторож там окажется».

Нашел глазами Рифа: он медленно ступал по своему междурядью, склонился раз другой за редким хлопковым клочком. Направился к нему напрямую, поперек грядок, сминая кирзачами полусухие, свободные уже и от хлопка, и от листьев кусты хлопчатника. Рифкат обернулся на хруст и ждал приятеля: неспроста, конечно, спешит.

— До вечера тут ковыряться решил? — насмешливо спросил Валерка, подойдя.

— Еще чего. Так, размяться с утречка. Че, идея есть?

— Да идея та же: попробуем на ближний хирман смотаться. Может повезет, а? Где-то поля три до него.

— Вы ж впустую недавно ходили.

— А тут не впустую будешь болтаться?

— Вдвоем пойдем? — соглашаясь, спросил Риф, и глаза его разом взбодрились.

— Не, Петруху захватим: главный вес возьмет, если повезет... И для остротки, если погоня — мальчик крупный.

— Ему только предложи. Второй год на хлопке, а так и не научился руками шевелить, топчется вокруг одного куста, топчется. Хотя на этом поле и сноровка ни к чему... Вот фокус будет, если Петруха двадцаткой сегодня отметится, в передовики выйдет,— хихикнул Рифкат.— Ну ладно, какие есть будут наши действия?

— Я отвлеку сторожа, а вы с другой стороны набиваете три фартука. Берите очищенный хлопок, потом замусорим, сдадим как подбор: за чистый не сойдет — видно, что из под машины. Свои фартуки себе на горбы, мой — волоком. Свиснете, я вас нагоню — и ноги. Старый план. Взвешиваем все, делим поровну. Если что не так, свисну я — «сматывайте удочки»... Сейчас разобьемся, уйдем по одному. Встретимся вон у того дерева.— Валерка кивнул на пирамидальный тополь, торчащий пикой над молодыми тузовыми деревьями, что протянулись по границе поля.

Потом он принялся высматривать неизменную желтую кепку Петрухи. Рослый, массивный Петруха быстро был найден. Как и ожидали, согласился без колебаний. Тут же проверил фартук, два раза перевязал шнурки на ботинках, движения его сделались резкими, нетерпеливыми. Петруха падок был до всяких проказ, авантюр, но, слава богу, не горазд на их выдумки, потому как доходил обычно до края. Кто-то однажды показал ему как можно проволокой устроить замыкание в розетке, и он за короткое время половину розеток в школе пожег, не боясь совсем, что током шандарахнет самого; скандал был о-е-ей!

Подойдя скрытно к цели, ребята обрадовались,— все складывалось, как надо: сторож — худой, моложавый старик с буденовскими усами сидел один на небольшом топчане в тени древнего тутовника и попивал чай. Малое хозяйство, которое он стерег — несколько куч хлопка, очищенного от полевого сора, по полтонны каждая, небольшая горка подбора (видно вчера до нее руки не дошли), две очистительные машины,— находилось на некотором расстоянии от него, и никакой ограды. Скорее всего, очистные дела здесь начнутся после обеда, когда станут подвозить сегодняшний подбор. Валерка кивнул в сторону самой дальней от сторожа хлопковой кучи,

* Место складирования собранного хлопка в хозяйствах и на территории хлопкоперерабатывающих заводов.

прошептал: «наша». Риф тихо «агакнул» и хлопконалетчики приступили к исполнению плана. Валерка вернулся немного назад, вышел на дорогу и открыто зашагал к хирману. По ходу он придумывал, как завязать разговор, о чем расспросить старика. Риф с Петрухой, где вприсядку, а где пригнувшись к земле, перебежками направились в обход к намеченной куче.

— Ассалом алейкум,— почтительно поздоровался Валерка со сторожем, подойдя к топчану.

Тот слегка кивнул головой в ответ, настороженно и вопросительно глядел на него: «Зачем пришел сюда этот юный урус вместо того чтобы быть в поле, как остальные?» Сторож знал, теперь нужно держать ухо востро: хлопка в полях осталось совсем мало, найдутся охотники поживиться им с хирмана, а как же... позавчера только двоих вовремя увидел — ни с чем сбежали.

— Сув бор*? — спросил Валерка.

Старик опять кивком головы указал на двадцатилитровый бидон, стоявший рядом.

Валерка через силу сделал несколько глотков из неизвестно кем использованной кружки и задал еще один традиционный вопрос.

— Қалайишлар**?

— Хороший дела, хороший. А твой школа где работает? — раздраженно отозвался сторож.

«Не рад мне совсем. Подозревает уже бабай***, подозревает,— соображал Валерка.— На узбекском разумных вопросов нет больше, придется по-русски приставать к нему».

— Здесь, недалеко собираем. Как с планом у вас, бригадир-ака****? План бригада выполнила? Есть, наверное, уже план... А совхоз как? В этом году хлопка больше, говорят, чем в прошлом, да?

— Какой тебе я бригадир! Зачем большой план тебе? Ты свой думай. Попил сув и иди, давай, иди,— сторож, явно обеспокоившись, поднялся с топчана, закинул тюбейку на голую макушку, поправил поношенный чапан и вразвалку направился к хлопковым кучам.

Валерка коротко свистнул, видя, что еще пять-десять шагов, и Риф с Петрухой будут обнаружены — наверняка они подобрались уже к хлопку. Сам потихоньку потопал в сторону от хирмана, временами оглядываясь; увидел как старик, осмотрев свою территорию, вернулся на топчан.

Из придорожных деревьев послышался приглушенный голос Рифа: «Лерыч, давай сюда».

Валерка заторопился на зов, надеясь увидеть хотя бы килограммов двадцать добытого хлопка. Но подельники его сидели на смятых, пустых фартуках.

— Только подкрались к той куче,— невесело доложил Рифкат,— и тут свист, и ширк — ширк по земле. Ясно, кто ширкает. Мы — задний ход. Кажется, не заметил дед.

— Что, назад идем? — спросил расстроенный Валерка.— Теперь бабай еще внимательней будет.

— Как эт назад! — заартачился возмущенно Петруха.— Я его уже руками трогал, мой хлопочек,— точняк. Стоило переться? Еще надо попробовать как-нибудь.

— Ну и как? — усмехнулся Валерка.

— Позвали — и думайте.

* Вода есть? (узб.)

** Как дела? (узб.)

*** Дед (тюрк.)

**** Ака — уважительное обращение к старшему(узб.)

— Слушай, пацаны,— вскочил на ноги обрадованный Риф,— по ложному следу пустим бабая. Забыли? ... Давай, я внаглуую, чтоб он видел, закину в фартук немного хлопка — пять-семь кэгэ, не больше,— из той же дальней кучи и побегу. Он за мной. Вы опять же — набиваете три фартука и деру. Подержу его на хвосте немного и вывалю хлопок на землю: сдаюсь мол — твоя взяла. Потом к вам. А?!

— Класс, Рифа! — просиял Петруха.— Да, завались еще способов пахты* надывать — только покумекать надо. Мы раз бункер комбайна хорошо разгрузили — водила свалил куда-то, облегчиться — точняк. Х-ха — двойное облегчение словил.

— Вспомнил про комбайны,— фыркнул Валерка, недовольный Петрухиным восторгом.— Они давно на стоянках, на приколе. Деловой, блин... Тогда и без комбайнов интерес был собирать — хлопка полно.

— Какой, нафиг, интерес! — огрызнулся ответно Петруха.— Как рабов гоняют в поле, платят копейки. «Беленький, пушистеный, всех раком поставил» — точняк.

— Ты гнилушка, все-таки, двуличная,— всерьез уже возмутился Валерка.— Кто тебя гоняет?! Кто хотел сильно домой, тот уехал давно: родичи нашли повод выдернуть отсюда... Сколько нас приехало в совхоз в конце сентября? 120 человек где-то — из шести старших классов. Сейчас ноябрь заканчивается — половина не наберется. И тебя выдернули бы, если б захотел. Нет, скажешь? Не рвешься что-то домой... Ну, мало платят, да... хотя, если вкалывать, неплохо можно было заработать, взять даже по минимуму — по 5 копеек за килограмм подбора. 80 кило в день — и выходит... трэм-пэрэм... 4 рубля, стольник почти за месяц. Только не про тебя песня: ты чистою больше 15 не собирал никогда, а подбора — не больше 25. Ни разу норму не осилил. И плевал на все нотации, уговоры. Раб, блин!

— Че ж сам не делал по 80 в день, если выгодно так... даже когда хлопка до фи́га было?

— Через плечо. В охотку работаю — вот че. И 80 кило подбора у меня было за день, и не раз. А интерес я больше спортивный имел в виду: движение, соревнование. Усек?.. Один хрен, не поймешь.

— Куда уж нам.

— Хорош бодаться,— не выдержал Риф.— Или пустые назад идем?

— Ни фи́га! — поднялся решительно Петруха.— Я готов. Лерыч, мир, поднимайся, потом доругаемся.

В этот раз получилось почти, как задумали. Риф легко увел сторожа в сторону от хирмана. Дед погнался за наглецом, во всю бранясь на родном языке. Бежать — он не бежал, двигался в стиле, сходном со спортивной ходьбой, но очень энергично. Не удержало его от преследования и пустячное количество хлопка, которое Риф успел захватить с собой. Наконец Рифкат решил, что пора, сбавил скорость, высыпал хлопок на землю, помахал пустым фартуком сторожу и «дал по газам». Покружив немного по окрестным местам, он взял нужное направление и через несколько минут добежал до Валерки с Петрухой. Здорово прогибаясь, оба тащили на плечах и спине по набитому до предела фартуку и еще волокли по земле третий такой же. «Килограммов 55—60 будет, еще на завтра останется», — оценил деловито всю добычу Риф и взвалил свой вес на плечи. Довольные невероятно удавшейся вылазкой топали ребята неторопливо в сторону своего поля; Валерка мурлыкал, как позволяли частые вздохи-выдохи: «Несет меня течение сквозь запахи осенние...» — из новой песни Юрия Антонова. Но продолжался спокойный отход недолго; внезапно позади слышался близкий совсем, грозный окрик: «Стой, ўғрилар**! Бросай пахта! Секир башка будет!»

* хлопка (узб.)

** вoры (узб.)

Риф первый обернулся всей неуклюжей конструкцией из собственного тела и грузного фартука на нем, увидел настигающего их сторожа с обнаженным кинжалом во вскинутой руке — всего метрах в десяти, и панически проревел: «Пацаны, бабай с ножом!» Все трое рванули бегом вперед, крепко вцепившись в фартуки; грохотали по пыльной полевой дороге носорогами; с трудом удерживали свою нелегкую, неудобную ношу, которая то и дело выводила из равновесия, норовила соскользнуть с плеч. Лидировал Петруха, несмотря на то, что его оседлал самый тяжелый фартук — Валерка позаботился. Расстояние между беглецами и сторожем увеличилось приблизительно вдвое. Но силы, извлеченные страхом, истратились быстро, и ребята перешли на резвый шаг; часто оглядывались. Притомился и жилистый бабай. Некоторое время так и шли, не отдаляясь и не сближаясь: юность загрузилась как раз настолько, что старость не отставала от нее. Скоро впереди показалось поле, на которое сегодня привезли школу.

— Ребя,— испуганно вскрикнул задыхающийся Валерка,— мы ж прям к Зое его ве...дем! Давай, влево — тут недалеко кол...лектор большой.

«Ребя» в секунду поняли, в чем дело, без звука свернули вслед за Валеркой влево, и сторож за ними.

Прошли еще две сотни метров; завиднелись верхушки камыша над поверхностью земли — там и находился тот самый дренажный коллектор.

Позади раздался голос бабая, в котором грозные нотки явно уже смешались с предупредительно-просительными: «Стой, ахмоклар*! Чужой совхоз там!»

— А-а, боится,— догадался вслух Рифкат, громко пыхтя.— По коллектору граница сов...хоза идет. Не хочет, чтоб... чтоб хлопок в другой совхоз уволокли.

Он обернулся на ходу, споткнулся и, сделав по инерции еще пару шагов, остановился. Рывком сбросил с плеч на землю фартук с хлопком, ставший уже неимоверно тяжелым, упал на него.

— Пацаны,— с облегчением окликнул он Валерку с Петрухой, которые продолжали уперто шагать к пограничному коллектору, еле передвигая дрожащими от долгого напряжения ногами,— стоит бабай.

Они тоже стали, скинули с себя груз, тревожно ждали, шумно дыша.

Сторож молчал, устало глядел на ребят. Валерка с удивлением засек в его расстрепанных усах еле приметную улыбку. Наконец бабай артистично изобразил удар по шее своим узбекским ножом с кривым концом и ткнул указательным пальцем в сторону беглецов: попадетесь, дескать, горло порежу. Потом спрятал нож в ножны и зашагал восвояси.

— Мы его сделали, ребя! — тихо воскликнул Петруха, опускаясь на свой фартук.

Несколько минут отдыхали в безмолвии, развалившись на фартуках — вымотались вконец.

Не выдержал первый Петруха:

— Слушай, а если б догнал бабай, ударил ножом?

— Запросто,— хмыкнул насмешливо Риф.— Это ж басмач бывший. Всадил бы по рукоятку в задницу. В твою сложно промазать. Ты и летел первым поэтому.

— Сам-то чесал,— со смехом выдавил Петруха.— И хрюкал еще, как кабан. А Лерыч, Лерыч, все пытался обогнать меня — такой, то с одного бока зайдет, то с другого. В конце я жуть как хотел, чтоб ты бросил свой фартук... или Риф. Сразу свой швырнул бы — точняк.

— А я ждал, когда ты сбросишь или Риф,— засмеялся Валерка.

— А я, когда у вас терпенье лопнет,— хохотнул Рифкат.— Валерка — молоток все же, вовремя спохватился. Еще чуть-чуть и явились бы пред очи Зойкины: вот, Зоя

* дураки (узб.)

Михална, стахановцы ваши, пожалте две нормы — не прошло и полдня. И бабай наш тут подруливает — представляете! Скандал!

Теперь все трое хохотали без удержу, перебирая комичные подробности погони.

* * *

Вечером сторож собрал простой полевой дастархан: заварил свежий зеленый чай, наломал большую слоеную лепешку, нарезал дыню, добавил карамельных конфет в старую стеклянную вазочку с трещиной. Знал, бригадир непременно заедет на хирман, быстро закончит здесь свои дела и присядет, как обычно, на топчан — уважит старика. Не терпелось рассказать про сегодняшний случай, про этих хитрых белоухих юнцов, которых ему так и не удалось догнать. Он был уверен, нужно доложить: «Вдруг заметит бригадир нехватку. Хотя, вряд ли — немного хлопка стащили. Но все равно — наказать надо шакалов наглых... упрямых; чуть сердце не выскочило, пока гонялся за ними. Бригадир-то лучше знает, как это сделать... Да-а, грамотный человек Рашид, грамотный: саратовский сельхозинститут учился. И опытный: сначала — агроном, быстро главный агроном стал и директором стал бы, а он раз — и в бригадире. Шесть лет уже. Кто говорил, что за премией хорошей пошел и зарплатой, кто, что бумага марать надоело: отчеты-матчеты всякие. Какая разница. Хорошо, что так. Начальник он хороший: года мои чтит, не орет, когда ругает, не сравнить с Эргашем из соседней бригады — как его терпят?.. Поля свои Рашид, как мулла Коран знает: вот и с урожаем всегда, и заработок в бригаде есть — хвала Аллаху».

Когда, наконец, бригадир подошел, сторож подождал, пока он отведаст дыню с лепешкой, выпьет пиалу чая, и выложил ему с большой серьезностью свой рассказ; не раз вскакивал с топчана, изображал отдельные свои действия.

Бригадир поначалу нахмурившийся, к концу этого представления уже смеялся.

— Найти их надо, Рашид-ака,— уверенно сказал под конец сторож.— Я всех троих запомнил: двоих на лицо, а третий — высокий такой, широкий, как силач молодой. Мы с вами их быстро отыщем — одна школа городская в совхозе работает. Из этой школы они. Воруют же, шакалы, а! Первый раз не вышло, они опять. Наказать надо, да Рашид-ака?

Бригадир молчал, прихлебывал чай. Потом усмехнулся.

— Мы, Нигмат-ака, когда в школе учились, часто таскали с колхозной бахчи арбузы, дыни. Много не брали — съедали за раз. Тоже придумывали, как подобраться незаметно. И убегать приходилось от сторожей. Если ловили, стыдили, по шее можно было получить. Дружку моему сторож как-то из ружья врезал солью... А вы в школьные годы не занимались такими вещами, Нигмат-ака?

— Бывало,— кивнул простодушно сторож.— Только мы не за сладким лезли в поле, а за кочаном капусты... или картошки копнем и бежать — тогда еды совсем мало было.

— Да-да, другое время.

— Но хлопок — не дыня, не картошка. Стратегический сырье! — заметил серьезно сторож.

Рашид засмеялся осторожно, боясь поперхнуться — он как раз доедал очередной кусок дыни.

— Откуда, Нигмат-ака, слова такие мудреные берете? Мне как раз это вот сырье больше нравится,— кивнул бригадир на свой недоеденный кусок.— Без всякой переработки в дело идет, а наслаждение! Хорошая дыня... Честно говоря, Нигмат-ака, не хочу я искать этих ребят, наказания им требовать. Их недели две назад надо было в город вернуть, к учебе. Нет, держат тут, сопли морозят: как же — весь хлопок, все до последнего грамма собирается. Будь моя воля, перепыхал бы уже свои поля, чем го-

нять технику, людей за остатками хлопка — мы теряем на этом больше, чем выгадываем. Ладно, нам приходится комедию ломать, а школьники причем? Торчат здесь без толку... Они, может, и бунтуют против этого, когда на хирман за хлопком идут.

— Не будем, значит, искать? — уточнил на всякий случай сторож, плохо разобравшись в последних словах бригадира.

— Нет,— отрезал Рашид.— Успокойтесь, Нигмат-ака, вы что могли, сделали. Хлопок у нас остался, не съедят они его. Сегодня не сдали, завтра сдадут, получат несколько рублей. Забудьте.

— Ладно,— послушно кивнул притихший Нигмат-ака.

Скоро бригадир уехал, а сторож допивал чай и думал: «Странно решил Рашид, неправильно решил. Надо, чтоб неповадно было. Совсем, видать, времени нет».

Сергей Овчинников
(г. Щекино)

ТУРЦИЯ

Родился в 1963 году в Щекино. Окончил рязанский медицинский институт. Публиковался в журналах «Альбом», «Время и мы», «Наша улица», «Родина», «Роман-журнал 21 век», в «Литературной газете». Автор нескольких книг прозы. С 2001 года издает и редактирует литературный альманах «Тула». Член Союза российских писателей.

В маленьком городке срединной России короткое северное лето началось в середине мая долгожданной волной тепла, ослепительно ярким солнцем, головокружением от запаха молодой зелени. Молодежь хлынула на улицы полураздетой — долгоногие девушки в коротких юбках и открывающих животы кофточках, мускулистые парни в цветастых пляжных шортах, майках. У всех было праздничное настроение, Софья возвращалась домой от родственников тоже радостной, блаженно поглядывая по сторонам, когда яркий солнечный день вдруг начал быстро сереть и меркнуть. Рубцом тучи вспухло у горизонта небо, утихли птицы, поднялся ветер, за клубилась на улице пыль. Атмосферный фронт быстро двигался в сторону города, люди вокруг закрывали окна и форточки. Софья тоже поспешила домой, чтобы успеть до грозы закрепить дверь балкона — по телевизору всю неделю показывали то наводнение в Европе, то ураган в Америке, то сорванные крыши соседнего Ефремова.

— Раньше, при Советах, — десять минут назад, захлебываясь от эмоций, говорил Софье дядька, старый ритор и философ (он когда-то преподавал в университете, но был изгнан оттуда за отсутствие политкорректности), — по телеку, в основном, вещали про достижение народного хозяйства! А теперь смакуют ужасы и несчастья! Чужая смерть и чужие несчастья всегда пользовались успехом толпы! Советы, при всех их ошибках, пытались сделать из нас народ! А сейчас из народа делают толпу!

Софья социализма почти не помнила, выросла в девяностые годы двадцатого века сиротой, как многие дети России того времени: отца убили рэкетеры, а мать вскоре захла и умерла от рака. Тете и дяде, как водится, порой было не до племянницы, большей частью воспитывала Софью бабушка — старшие поколения, закаленные войной и послевоенными трудностями, с меньшими потерями пережили очередную русскую революцию. Но к началу нового века запас прочности стариков иссяк, большая часть их ушла в могилы, а бабушка Софьи слегла после инсульта, и так, в постели, тлела уже тринадцать лет.

Софья вбежала в подъезд, когда тучи совсем приблизились. Под ними высветились огненные росчерки — Господь оставлял в небе свои автографы, при этом воздушный удар был такой силы, будто низко над городом крушили звуковой барьер как минимум несколько истребителей. Тряслись и звенели оконные стекла, ревели

сигнализацией автомобиля, на город обрушился крупный град. Кусочки небесного льда скакали по асфальту, гремели о железо подоконников. Софья вспомнила о семействе ворон, которые гнездились на громадном тополе рядом с ее кухонным окном, кинулась взглянуть на птиц, успокоено улыбнулась — одна из ворон сидела в гнезде, накрыв его крыльями. Вскоре град прекратился, на землю щедро и шумно полил дождь. Улицы превратились в подобие горных рек. Текущая вода пенилась, омывала поврежденные градом автомобили. У одной из машин было разбито стекло. Софья узнала внедорожник Германа, своего бывшего мужа.

Они поженились, когда Софье исполнилось двадцать, а Герману — двадцать два. Квартиру снимали в соседнем доме: Софье нельзя было уезжать далеко от бабушки. Господь подарил им с Германом три года совместного счастья, а затем что-то темное, болезненное, висящее в русском воздухе, разрушило их жизнь. Герман, как многие сверстники, занялся бизнесом — взял кредит, купил пять машин, организовал частное такси. У него вскоре появились шальные деньги, новые заботы и друзья, а Софья все кормила и обстирывала бабушку. Германа это злило, они начали ссориться, закончилось все разводом. После дележа имущества Софья осталась одна, потерянная и раздавленная.

Жить ей не хотелось, она чувствовала себя ущербной, никому не нужной. Чтобы встряхнуть племянницу («поднять ее самооценку» — по словам дяди), родственники взяли ее с собой на отдых в Турцию, наняв сиделку для бабушки.

Утопающий в цветах, удачно расположенный в горном распадке турецкий пятизвездочный отель показался Софье земным раем. Восхищала красота Средиземного моря, изящество лежащего рядом курортного городка, услужливая атмосфера отеля. Софья была молода — ей оказывали внимание многие турки в гостинице. Она боялась их, но, по совету тети, согласилась пройтись по городу с наиболее скромным из ухажеров, молодым барменом отеля, с условием, что рядом будут ее родные.

Прогулка вдоль моря в город выдалась замечательной, она изменила жизнь Софьи. Вечерние облака то и дело закрывали светящимся краем заходящее солнце, на поверхности моря еще торчали головы купальщиков, дети бежали к воде, с криком падая в волны. Сладкий, пахнущий ванилью воздух набережной пьянил, как вино, сумрачный силуэт византийской крепости висел над эффектно подсвеченной бухтой с приседающими на воде кораблями. В темном воздухе тихо играла восточная музыка, вокруг текла праздничная толпа, говорящая на двенадцати языках. Среди цветов, пальм и фонтанов гуляли нарядные турецкие семьи. Софья плавно двигалась вместе с ними сквозь анфилады зеленых арок из цветущих лиан, кустов и деревьев. Сердце Софьи замирало от восхищения, ее сознание внезапно расширилось, как экран включившегося компьютера. Софья обрела мимолетный дар, взглянув на лицо прохожего, узнать его прошлую жизнь и провидеть будущую. В ее голове рождались волшебные звуки и запахи детских, почти забытых снов. Софья вспомнила прочитанное недавно у знакомого писателя: «Человеческое сознание в обыденной жизни помещено в навязанные извне скудные рамки, освободиться можно с помощью любви, молитвы, путешествия, творчества»... «У каждого способа есть свои издержки,— думала Софья.— С любовью не получилось, а вот путешествие на пятерку!»

Турецкого ухажера, подарившего Софье волнующий мир детского счастья, звали Топалом. Небольшого роста, чрезмерно худой, будто иссушенный южным солнцем, он молча шел рядом, угощая своих русских гостей мороженым, фруктами, вареной кукурузой.

— Ю лайк маис? Ю лайкайскрем? — спрашивал он предупредительно, едва заведя лоточника, и дядя отвечал — «онлигерл, сэнкью», — по-русски обращаясь к женщинам:

— Красиво! Но вы думаете, это их обычная жизнь? Нет, большинство из них живет бедненько. Это все глянec, картинка для туристов. Они на этом деньги зарабатывают!

Топал, не понимая русского, вежливо улыбался.

— Ю кэн си олд таун,— говорил он, указывая на византийские развалины, их ржавые пушки, смотрящие в море.— Византиан темпл...

Топал казался не страшным и потому, когда тетя с дядей решили возвратиться в отель, Софья рискнула остаться.

— Будь осторожна, Джульетта,— напутствовал ее дядя, входя в маршрутку.— Лечение венерических болезней в страховку не входит!

Софья лишь усмехнулась:

— Все равно дома никто не ждет!

Теперь они могли держаться с Топалом за руки. На мостике, оплетенном цветущими лианами, над светящимся бассейном с ленивыми вуалехвостами он впервые поцеловал ее, но так волновался, что вышло как-то по-детски, со стуканьем лбами. Он явно не походил на изощренного турецкого донжуана. Софья смеялась, он смущался, но было видно, как у него перехватывает дыхание от ее близости.

— Уай ю лаух? — спросил он обиженно и, не дождавшись ответа, пробормотал: — Крейзи рашен вумен... Бат вери бьютифул...

— Донт уорри,— успокаивала его Софья.— Джаст рашн пипл... как это... мери!

К полуночи у Софьи возникло чувство, будто они с Топалом знают друг друга целую вечность. Когда он произнес: «Мейби си ю май флет?» — она кивнула, тем более что в сумочке у нее лежал заранее приготовленный латексный чехольчик. Дядя часто рассказывал Софье про опасности отельной любви, коварных турецких мужчин, каждый из которых соблазняет за курортный сезон много женщин.

Наверное, дядя что-то напугал. Топал в самый ответственный момент растерялся. Пришлось Софье, говоря иносказательно, взять дело в свои руки. Ласки Софьи довели турка до безумия, он даже слегка заговаривался. После они лежали в темноте среди чуть влажных от их усердия простыней, спотыкались на английских фразах, рассказывая друг другу о своем детстве. За окном еще слонялись туристы, мелькали огнями машины и мотоциклы, улица притихла ближе к утру, когда сквозь решетчатые жалюзи в комнату стал пробиваться свет. Софья вспоминала умерших родителей, семейные поездки летом к Черному морю — какое же это счастье, когда папа и мама живы! Топал соглашался и тоже был откровенен: ему двадцать семь, родился в многодетной семье, в горном поселке, в ста километрах от моря. Отслужил в армии, пять лет работал у отца в семейном поселковом кафе, затем сбежал сюда, в город. Два года был подсобным в отеле, накопил нужную сумму, окончил курсы английского языка и школу официантов, барменом служит всего два месяца...

Утром вместе поехали в отель: Софья отсыпаться, а Топал — работать. Они провели вместе две оставшиеся у Софьи курортные ночи. К ее отъезду Топал шатался от недосыпа и усталости, при этом он говорил, что никогда в жизни не был так счастлив, подарил Софье золотой перстень. У нее почему-то сжималось сердце, когда она глядела из отъезжающего автобуса, как он машет ей рукой на прощание.

Дома у Софьи началась, по выражению дяди, «эндорфиновая ломка». Маленькая квартирка бабушки выглядела убогой, родной северный город казался холодным, страшеньким, неудобным. Резали глаз мусор на обочинах, грязные лужи разбитых дорог, дымящиеся вдалеке фабричные трубы. Остро не хватало мужской нежности, Софья тосковала, глядела на телефон и боялась звонить,— сначала нужно было проверить у венеролога. Анализы оказались хорошими. Софья тут же набрала турец-

кий номер. Топал кричал: «Ай лав ю!». Она отвечала ему, заглядывая в специально купленный русско-турецкий разговорник: «Бен сени севьюрум»!

Вскоре звонки стали ежедневными, Топал тратил, как после оказалось, половину своей зарплаты на эти переговоры. Дядя, узнав от бабушки, что Софья и Топал поддерживают связь, объявил, что все это глупо, у ребят нет ни одного шанса, они же из разных цивилизаций, почти с разных планет!

— Найди себе русского,— при встрече сказал Софье дядя, прибавив полную вульгаризмов сентенцию, смысл которой был в том, что детородные органы мужчин разных национальностей сильно не отличаются.

В следующие месяцы жизни Софья пробовала «найти себе русского». Ее познакомили с несколькими.

Первый — осторожные движения, рябое лицо, волчий взгляд,— оказался тюремным охранником. В первый же вечер, сидя в кафе, он принялся вспоминать, как они «ломают» заключенных в зоне. Тех, кто не подчиняется, бросают в карцер, густо посыпанный хлоркой «для дезинфекции», поливают из шланга холодной водой. Карцер дымит хлором, разъедая легкие и кожу стоящего там человека, подвергнутого экзекуции кричит, корчится на бетонном полу... Софья выскочила из-за стола, оплатила свой счет, прошипела, не заботясь о дипломатии:

— Ты полный отстой, животное! Перед Богом ты больше преступник, чем те, которых вы мучите!..

Второй, коммерческий директор какой-то фирмы, торгующей запчастями для иномарок — лысоватый, дородный, выпуклые глаза с кровавыми прожилками на белках,— был из тех ушибленных деньгами новых русских, которые нашли свою правду «собирая богатство на земле». Они сделали деньги предметом культа, тратя их на большие машины, большие дома, большие путешествия, почему-то начиная считать себя при этом большими людьми. У нового знакомого Софьи, к примеру, на сей счет была целая философия! Они как-то вместе дегустировали французскую кухню модного ресторана в областном городе, заказав луковый суп, жаркое из осьминогов, яблочный десерт. Расставив толстые ляжки «удачливый менеджер» сидел напротив Софьи, покачивая столик выпирающим животом. Задыхаясь от своей тучности, говорил, что Бог (Софья интересовалась, ходит ли менеджер в церковь?) создал всех разными: одних господами, других — рабами. Он себя относил, конечно же, к господам и потому не видел ничего дурного в том, что не знал, куда вкладывать деньги, дабы их не уменьшила инфляция, тогда как ближним, своим работникам, он платил зарплату, едва позволяющую сводить концы с концами. Софья внимательно слушала, в этот раз, не выказывая своего мнения, чтобы после навсегда откланяться. Она не представляла себя в постели с этим боровом, не испытывала к нему ничего, кроме холодного отвращения.

Третьим был, по его же словам, «контрабас» — бывший контрактник, сапер из инженерной разведки федеральных войск на Кавказе. С ним Софья сошлась ближе всего. Главным событием в его жизни стали три года контрактной службы в Чечне при Ельцине, накануне дефолта. Их тогда обманом фрахтовали в российской провинции, высаживая в поле кавказского предгорья, размещая в армейских палатках, где нужно было топить печь, чтобы не примерзнуть ночью к сырому брезенту, где туалетом служил поначалу глинистый, смердящий овражек. Они укрепляли блокпосты, строили казармы (большей частью за свои деньги), разминировали поля, зачищали от ваххабитов аулы. Но им не давали свободно действовать, иначе от аулов ничего бы не осталось, в Кремле велась сложная игра, замешанная на политике и деньгах. Чтобы получить зарплату, контрактник должен был отдать часть ее офицеру. Хочешь в отпуск — плати. В увольнительную — плати. «Контрабасы» надеялись:

приедет генерал и все рассудит, но вертолеты проверяющих регулярно сбивались вскоре после вылета из Моздока, еще на ингушской территории. У чеченцев в штабе российской армии были свои информаторы, о предстоящих воинских операциях они узнавали раньше, чем офицеры части. Повстанцам направляли деньги не только из-за границы, но прямо из Москвы, под видом выкупа за похищенных офицеров. При возвращении в Россию личное дело многих контрактников теряло денежный аттестат, у бедолаг просто крали надбавку за «боевые» дни!

— Все хотят жить хорошо,— то и дело повторял «контрабас» главную, усвоенную им в Чечне истину.— При мне в нашей части сменилось три начфина, двух посадили. Все хотят жить хорошо!

После войны он по ночам иногда кричал во сне, днем был похож на большую испуганную птицу,— без причины крутил по свиному головой. Однажды, в забытье тонкого сна, он принялся душить Софью, после с ним случился запой, оставаться с ним далее было страшно.

Четвертым был мелкий лабазник, имеющий в собственности, на одном из местных рынков, небольшой павильон, где торговали колбасой и сосисками. Он почему-то считал себя удачливым бизнесменом, хотя к тридцати годам так и не созрел до мысли, что главное умение мужчины не просто зарабатывать деньги, но быть ответственным по отношению к людям, семье, детям. Его интересовали только развлечения, секс и деньги, он принципиально не хотел жениться и заводить детей в обозримом будущем.

— Предупреждаю сразу, я не люблю бюрократии! — первым делом сказал он Софье.— Погуляли и разошлись! Мне не нужен штамп в паспорте! И детей мне заводить рано!

Глядя на него, Софья мысленно переходила на язык Элочки-людоедки. «Не могу взять в толк, хоть убейся,— раздраженно думала Софья,— почему создать семью в России сейчас хочется только женщине? Для русского мужчины это запаadlo? Кто женился — тот лох? Будут бегать от юбки к юбке, пока в пятьдесят лет не окажутся Джо из анекдота, который на хрен никому не нужен! Не хватает мозгов понять, что здоровье не вечно, нельзя развлекаться до пятидесяти, рожать детей надо в молодости! Но этим оленям и дети не нужны! Хрен с вами, живите свободными, чуваки! Посмотрим на вас в старости! Работайте, копите на свой «Порше»! Девяносто процентов из вас окажутся в конце жизни с шишом в кармане и вошью на аркане!»

Скорее всего, ей не везло — в России много порядочных, умных, добрых мужчин, она их просто не встретила. Может, Софья открывала не те дверцы в душах новых знакомых, ведь человек напоминает большой комод с множеством отделений, впечатление зависит от того, какой ящик откроешь: в одном лежит грязное белье, в другом — праздничная одежда.

— Мужики мне попадают какие-то порченые,— жаловалась Софья дяде.— Все травмированы чем-то — богатством или отсутствием денег, полицией, войной, тюрьмой, алкоголем...

— Русская цивилизация больна,— грустно кивал дядя, раскуривая трубку с экзотическим, пахнущим полынью табаком.— Нравственная деградация, почти все накапливают вещи, деньги, чтобы возвыситься над людьми! Воспринимают людей в лучшем случае клиентами, а чаще — как врагов, конкурентов! Человеческое счастье трактуют, как победу над другими! Но это — архаичное, отсталое мышление! Лично мне ближе мысль, что все люди братья! Можно жить в мире, не унижая, не подчиняя, не побеждая друг друга!

Софья для себя решила: деньги, автомобили, пиво и власть сейчас интересуют русских мужчин гораздо сильнее женщин! Тогда пусть не обижаются, что им не отвечают взаимностью!

А Топал продолжал звонить, Софью тянуло вновь оказаться летом в его приморском городе. Правда, над ухом зудел дядя. Он был уверен, что турок морочит племяннице голову. Софья придумала, как вывести кавалера на чистую воду. С первым теплом полетела в Турцию с подругой Ксюшей, не предупреждая Топала. Поселились в пятизвездочном отеле неподалеку от городской набережной, рано утром отправились на дело. Софья быстро нашла улицу и дом, где находилась памятная квартира, позвонила несколько раз, выставив перед глазком Ксюшу. Им долго не открывали. Софья была уверена, что все кончено, турок у себя с женщиной, но тут дверь отворилась. Заспанный Топал удивленно смотрел на Ксюшу, но еще больше он удивился, когда перед ним возникла Софья! Как раненая львица ворвалась она в квартиру, проверяя комнаты, шкафы, туалет, балкон, пространство под кроватью. Никого не было! Топал и Ксюша долго еще смеялись, вспоминая об этом.

Две недели пролетели как сладкий сон. За год телефонных переговоров Софья и Топал значительно улучшили свой английский, теперь они могли рассуждать о довольно сложных вещах — например, о турецкой и русской истории. Софья обнаружила в Интернете много интересного. Оказывается, турки и русские не всегда воевали друг с другом, бывали союзниками. Русский флот защищал Стамбул от египетского султана Али-Паши, когда он разбил турецкую армию. Была совместная десантная операция на Корфу, под управлением адмирала Ушакова. В 1922 Ленин помогал Кемалю оружием и деньгами, хотя противниками турок были православные греки...

Софья и Ксюша часто ужинали на огромном балконе, опоясывающем квартиру Топала. Пол здесь был выложен кафелем, вокруг стола теснились плетеные кресла, сразу за перилами начиналось царство мушмулы, гранатовых и апельсинных деревьев. За ними открывался вид на улочку, щедро украшенную цветами небольшого отеля, расположенного напротив. Стол, покрытый чистой скатертью, был уставлен тарелками с фруктами, орехами, пахлавой, в центре помещался многоярусный чайник. Из отельного ресторана доносилась восточная музыка, за столом появлялись родственники Топала — загорелые мужчины в ярких рубашках, скромные сестры в темных платках и платьях (они прекрасно готовили на кухне сарму, турецкое подобие голубцов с виноградными листьями вместо капустных). Мушмула бросала дрожущую тень на светлую скатерть, чай в стаканах обжигал руки. Топал говорил, что сейчас Россия и Турция не враги. Меж ними не было ссор вот уже 130 лет, за это время Россия два раза воевала с Германией, несколько раз с Польшей. Против русских выступали Финляндия, Румыния, Венгрия, и даже братские Болгария, Грузия! Разливая чай, Топал рассуждал о том, что миссия Анатолии — связывать Европу и Азию. Она — мост меж Западом и Востоком, поэтому в Турции нужно строить не только мечети, но и университеты, книжные магазины, театры. Топал был идейным приверженцем политики Ататюрка, при этом он избегал свинины и водки, хотя намаза не совершал, любил пиво и не имел ничего против христианства Софьи. Единственное, о чем они спорили — кем будет по вере их ребенок?

Как-то втроем, вместе с Ксюшей, гуляли вдоль моря — олеандровые заросли набережной, жаркая синева неба, крики купальщиков,— Софья спросила про геноцид армян в Османской империи.

— Была война,— хмурился Топал,— но мы больше не хотим воевать! Армении, Турции, России нужно дружить! У России есть атомные бомбы, нефть и газ, а в Турции много солнца, пляжей, отелей, где русские любят отдыхать. Зачем нам воевать, если можно ездить друг к другу в гости?

— Наивные,— сказал дядя, когда Софья пересказывала ему слова Топала, вернувшись в Россию.— Воевать все равно придется! Новый мировой порядок не отвяжется! Его пушечным мясом выбрали мусульман! Сейчас расчищается площадка для

строительства нового, разрушают основы прежних обществ: ислам, христианство, национальные государства, семья...

Дядя так волновался, что Софья начинала опасаться за его здоровье.

— Ты что-нибудь слышала про гендерное равенство и ювенальную юстицию в Европе? — одышливо спрашивал он, приподнявшись в кровати, после инфаркта он большей частью лежал.— Поинтересуйся! Традиционные общества ломать будут очень сильно! Новый порядок создает на планете зоны хаоса! На их фоне центры силы выглядят более привлекательно, так стабильнее их валюта...

Софья не хотела верить в плохое, она была занята оформлением приглашения для Топала, дядя вечно преувеличивал опасности.

Топал прилетел в конце ноября, когда турецкие курорты закрылись на зимние каникулы. Ему хотелось увидеть русскую зиму, о которой у заморских народов были сказочные представления. Софья ездила встречать его в Домодедово. С неба сыпала снежная крупа, оставляя на лобовом стекле такси мелкие капли. На земле снег быстро таял, слякотный ноябрьский зазимок тянулся уже больше трех недель. Деревья протягивали к серому небу окоченелые ветви, о днище машины стучал мерзлый щебень обочины, кое-где в низинах, по-над речками стоял туман, скрывающий железные вышки противоракетной обороны с белыми тазами антенн. Машину покачивало из-за плохой резины, Софья боялась, что ее экипаж с шашечками на крыше сломается, но все обошлось. Вскоре Топал сидел рядом с ней, разочарованно глядя из окна такси на грязные бока машин в сутолоке подмосковных пробок.

Наутро Софья торопилась на рынок, чтобы купить ему теплую одежду, наивный турок прилетел в легкой курточке и летних ботинках. Спустя пару дней, когда Топал чуть свыкся с уличным холодом, собрались в Ясную Поляну: на стене, в комнате у Софьи, висела фотография Льва Толстого,— седая борода, кустистые брови, пронзительный взгляд мудреца,— Топалу хотелось узнать, как жил русский деревниш.

Погода сделала им подарок: в Ясной было удивительно солнечно для конца ноября. За округлыми башенками входа в усадьбу начинался березовый «прешпект», серебрилось зеркало стылого пруда. От «прешпекта» к строениям под зелеными крышами расходились щебенистые дорожки с красноватыми участками обожженной и утрамбованной глины. Людей вокруг было мало. Возле кормушки на дереве снова ла осторожная белка. Собака, похожая на лису, трогала носом ладонь, ожидая подарка. Стая галок ворошила клювами опавшие листья в яблоневом саду, тут же пасся скаковой жеребец с несколькими репьями в длинном хвосте. Возле конюшни за Топалом погнался гусак-двоеженец, охраняющий свой небольшой гарем. Среди старых яблонь тарахтел маленький трактор, влажно чернели свежие кротовины рядом с деревом влюбленных, вокруг которого, смеясь, бегали дети.

— Я сказала обойти три раза! — кричала им классная руководительница.— А вы уже все тридцать три!

— А желание говорить вслух можно? Или надо скрывать? — звенели голосами юные заклинатели желаний.

Когда дети ушли, сделалось удивительно тихо, если не считать слегка гудящей за лесом большой дороги. Меж влажных стволов Заказа попискивали синицы. Полетному свежо выглядела зелень еще не увядшей сныти. Указатели на столбах направляли к могиле старца, к его любимой скамейке на окраине молодого ельника. Ветви голых яблонь кое-где сохраняли увядшие яблоки. Лаяла рыжая овчарка у огородного плетня...

Софья и Топал, будучи в России, часто навещали дядю — у него случился второй инфаркт, он почти не вставал, но голова у него работала исправно, если не считать

легкой забывчивости да высохшего английского. Теперь Софья выступала в качестве переводчика.

— Рене Генон и Клаудио Мути, современные европейские философы, неспроста приняли ислам! — говорил дядя, задыхаясь.— Европа теряет энергию, стареет, прямо как я. У коренных европейцев рождается слишком мало детей. Уровень жизни и уровень свобод для Европы оказался важнее продолжения рода! И потому, Топал, европейские женщины отдают мусульманам тело, а некоторые мужчины — душу. У Европы сейчас нет идеи, она живет логикой изнеженного и развращенного тела. Но некоторые люди, пассионарии, не могут жить без идей! А ислам такую идею предлагает! Но эта идея простовата для русских!

— Дядя, хватит! — останавливала его Софья.— Как я переведу слово «пассионарии»?

— А как ты переведешь «пошлость» или «авось»? Русский язык богаче английского! Но русский язык сейчас уничтожают, вот что обидно!

Мужчины чокались рюмками с текилой, которую Топал считал невинным для мусульманина соком американского кактуса. Топал и Софья преподнесли дяде набор трубок из камня и дерева, а тот добавил недостающую сумму для покупки компьютера. Ноутбук для Топала вскоре был куплен, чтобы молодые каждый день могли видеться в Скайпе.

Начали готовиться к свадьбе. Пришлось оформить и перевести с русского на турецкий множество документов, навестить российское консульство, расположенное в Анталье, сдать кровь для анализов. У Топала подтвердилась талассемия, болезнь Средиземноморья — брак с турецкой женщиной был для него нежелательным, отчасти поэтому он искал себе женщину из дальнего зарубежья. Многие друзья Топала взяли в жены полячек и немок. В российском посольстве каждый день регистрировали с десятков браков турецких мужчин с русским женщинами.

— Турция пополняется новыми янычарами,— узнав об этом, сказал дядя.— Если, не дай Бог, будет война, твой сын, Софа, окажется на чьей стороне?

— Хватит! — восклицала Софья.— Войны не будет! Границы стали прозрачными! Люди ездят туда и сюда! Народы смешиваются! Зачем воевать?

— Все смешиваются, кроме англосаксонской аристократии, армян и евреев,— грустно подтвердил дядя.— Смешение народов и вер делает вас похожими на пластилин!

— Дядя, хватит! — кричала Софья.— Смешение делает нас жизнеспособнее! Гены и культуры обогащаются!

— Есть в том, что ты говоришь, что-то предательское,— махнул рукой дядя.— Ты обогащаешь турецкий генофонд, но при этом обедняешь русский! Оправдать можно все, только нужно ли? Делай что хочешь, но хотя бы осознавай, что происходит!..

Софья уже не хотела отступать. После года мытарств свадьба в Турции все же случилась — были чуть влажными от свежести огромные букеты подаренных им цветов, Софья разбивала каблуком большую ритуальную тарелку, отец жениха разрезал ножницами красную ленточку, связывающую золотые кольца. По турецкому обычаю Топал целовал Софью в лоб, танцевал с друзьями, украшенный гирляндой из подаренных гостями купюр. После загса ездили в горы и к морю — фотографироваться. В альбоме и памяти Софьи остались ее белое платье, лепящиеся к скалам, как ласточкины гнезда, старые турецкие дома, едва заметная дымка над порогами горной реки в тесном ущелье Дымчай, где им подавали форель в ресторанчике над водой, мощные стены византийской крепости, отвесной стеной падающие к морю.

После свадьбы Софья улетела в Россию, нужно было присматривать за бабушкой и дядей, он слабел на глазах.

— Скоро я узнаю,— говорил он,— кто из нас был прав: православные, мусульмане, иудеи?

— Тебе страшно? — спрашивала Софья, подавая ему чай.

— Нет,— качал головой дядя.— Я в преддверии большого путешествия. Не верю, что Господь будет мучить меня в аду. Он слишком мудр и добр для этого. Добрые и мудрые не бывают мстительны. Меня мучит другое... Наше поколение здесь, на земле, плохо сделало свою работу!

— Что ты имеешь в виду? — Софья поправляла ему одеяло.

— Мы потеряли свою страну! В том, что сейчас происходит, есть что-то неправильное, незаконное! Россия растекается по миру третий раз за столетие! В нас ослабело чувство родины! У нас великая история, но разве мы достойны своих предков?

— Охота тебе нервничать? — успокаивала дядю Софья, подавая ему кислородную подушку.

— У меня такое чувство,— после нескольких глотков кислорода говорил старик, при этом у него внутри что-то хлопало,— будто я не сделал что-то важное, не додумал, не уяснил до конца! Я почти всю жизнь думал, что главное впереди! Но это было такой глупостью...

Софья протирала влажной салфеткой руку больного, чтобы сделать укол. Дядя гладил ее по голове:

— Мне жаль, что ты уедешь так далеко... Не придешь ко мне на могилу, забудешь, как молиться по-русски...

— Я обещаю, что буду молиться за тебя по-русски,— плакала Софья.— И мой ребенок будет говорить не только по-турецки, но и по-русски! Он будет любить Россию, я обещаю тебе. Прости нас. Но мы с Топалом любим друг друга, а любовь все искупает. Разве не так?

— В России заигрались фальшивыми идеями,— целовал ее в голову дядя,— мы думали о мировой революции, о социализме в отдельно взятой стране, об электрификации, коллективизации, индустриализации, а про душу человеческую забыли...

Софья не хотела спорить. «Не люблю эти мужские игры в войну, в политику, в революцию, в переустройство мира,— думала она.— Когда-нибудь они доведут планету до гибели. Пока мужчины воюют, борются за власть и зарабатывают деньги, женщинам нужно рожать детей, любить, спасая мир этим. Если у человека нет любви, детей, в этой любви рожденных, то вся жизнь зря, напрасно, впустую»...

Софья оторвалась от мыслей, обнаружив себя у окна в бабушкиной квартире. Гроза закончилась, туча сдвинулась на восток, сыпал остаточный дождь, который с каждой минутой слабел. На улицу выскочили дети, они шлепали по лужам прямо в сандалиях и смеялись. Испуганные собаки выглядывали из-под лавок, тревожно поглядывая на небо.

Софья подошла к компьютеру, включила Скайп. После гудка на экране высветилось лицо Топала. Он сидел на своем балконе в окружении родственников, за их спинами видны были деревья мушмулы с округлыми плодами вроде абрикосов. Топал спрашивал что-то про «их цветы». Софья принесла к экрану букет, который они вместе собирали в горах после свадьбы. Цветы уже высохли, но еще пахли немного, их запах напоминал аромат увядшей скабиозы.

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

ДВЕНАДЦАТЬ КИЛОМЕТРОВ

Наш постоянный автор. Член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР и России. Имеет более полутора тысяч публикаций в областных, городских, районных и многотиражных газетах, выступлениях на областном радио. Печтается в альманахах «Иван-Озеро», «Дом Радуги», «На крыльях Пегаса», «Пегасик» (для детей), «Ковчег», «День тульской поэзии», «ЛитераТула»...

Автор сборников «Взгляд назад»(1984 г.), «За чинами я не гнался»(1987 г.), «Посади дерево»(1992 г.), «Сорняки»(1998 г.), «Горка детства»(2001 г.), «В погоне за упущенным временем»(2010 г.), «Вдохновение вне расписания» (2011 г.), «Главное — оставаться человеком»(2012 г.), «Пробуждение»(2013 г.) и других.

— Здравствуйте! — поздоровался Василий, выходя на поляну, до этого наблюдая из-за листвы за мужичком, который своеобразно рубил дрова: подбрасывал чурбачок в воздух и на лету разрубал его пополам — и так несколько раз подряд, значит, это совсем не было случайностью.

Ловко он все это проделывал, и создавалось впечатление, что не многокилограммовые поленья взлетали над его головой, а какие-то кусочки масла, и рубил их не топор, а нагретый нож или сабля.

— Ну, здравствуй, здравствуй, добрый молодец,— оторвавшись от своего занятия, обернулся на голос дядька.— С какой бедой-печалью пожаловал?

— Ух, ты? Вы со мной поздоровались, как в русских народных сказках. Словно я сам в сказке оказался.

Мужичонка, издавека казавшийся маленьким приземистым, при близком рассмотрении оказался довольно высоким жилистым человеком и совсем еще не старым, хотя густая борода и увеличивала количество лет.

Дроворуб усмехнулся.

— Так ведь мы сами моделируем окружающее нас пространство. Кто-то выбирает серые беспробудные будни, а для кого-то радостно жить в сказке. Но для этого надо потрудиться, чтобы создать такую сказку.

— Я заметил: оригинально дрова вы рубили — топор как по маслу идет.

Мужчина внимательно посмотрел на молодого человека, лицо которого выражало неподдельное удивление и восхищение от увиденного, засмеялся в свои рыжие усы, вогнав с размаху лезвие топора в широкий пенек, торчащий из земли, и, пригладив бороду, ответил без смеха:

— Это — иллюзия. Издавека показалось. Да и шел ты с подветренной стороны, поэтому и стука топора не слышал. Не все то, что видят наши глаза, происходит в действительности. Человеческий мозг — очень сложная, не изученная до конца

структура, которая дорисовывает любую увиденную картину, а тем более непонятную, на свой лад, используя знания, которыми обладает тот или иной индивидуум.

— Вот это вы закрутили предложеньице,— прямо как у Толстого получилось. Вы, часом, не философ?

— Ну, это дело нехитрое,— улыбнулся местный житель.— Поживи с мое. Понаблюдай за окружающим тебя пространством. Глядишь, и сам философской мудрости наберешься.

Может, я подбрасывал уже две половинки и махал топором, но создавалось впечатление, что я в воздухе рублю. А если я придумал себе такое специальное упражнение для укрепления мышц спины и рук?

— Конечно, такое может быть и вы правы, но что-то очень странно все это выглядит.

— А что тут странного? — изумился пожилой мужчина.— Это у вас, в городе, тренажеры всякие есть, а здесь — в лесу используешь, что попадется.

Меня, кстати, Пантелеймон Ферапонтович зовут. Для простоты можешь меня звать дядя Пантелей.

— А я Василий — студент. В Семеновку иду — это деревня такая.

— Как же, как же, знаю. В двенадцати километрах отсюда.

— Вот-вот. Я иду, а меня смотрите, какая туча нагоняет,— полнеба закрыла, и всполохи видны, гроза будет. Увидел ваш домик — решил попроситься переждать грозу. Пустите?

— Отчего не пустить такого добра молодца. У меня и пироги поспели. Угощу и чаем напою. Да и мне, старику, пообщаться с молодыми интересно: как живут? чем дышат? чем увлекаются? что волнует?

Только ты, мил-человек, сказал про грозу, и вся природа насторожилась,— бородач посмотрел по сторонам,— вот, кстати, будь добр, отступи на шагок назад — а то шмелик летит.

Василий посмотрел в том направлении, куда указывал его собеседник, и хоть и ничего не увидел, но на шаг отступил назад, как его и просили.

В тот же миг на большой скорости мимо самого носа парня проскочил какой-то гудящий комочек.

— Ух ты! Ничего себе! — опешил студент.— А вы, случаем, не волшебник?

— С чего ты так решил?

— Откуда вы узнали про шмеля, и что он пролетит именно здесь?

— Шмелик-то — он маленький, пугливый. Как только гроза — сразу ко мне прилетает. Я даже форточку не закрываю — жду. Надо помогать маленьким. Он влетает в дом и, сразу спрятавшись в дальней комнате, затихает. Сидит под потолком тихонько и только вздрагивает при каждом ударе грома. Но лишь дождь заканчивается мохнатый уже возле окна крутится, как бы говорит: «Загостился я тут у вас, а ведь пора и делами заниматься». Я ему в розеточку варенья наливаю и он, перед тем как улететь, обязательно угостится,— особенно любит малиновое. Но и от других не отказывается.

Да ты, Василий, в дом-то проходи, а то заболтались мы с тобой, а дождь он — ждать не будет: раз собрался, значит, ливанет, да так, что мало не покажется.

Только дед Пантелей закончил эту фразу, как набежавшая туча заслонила солнце, и капли дождя забарабанили по земле, по листьям, по крыше лесной избушки, по перевернутой вверх дном кастрюле, висящей на низкорослом заборчике; словно природа исполняла какое-то музыкальное произведение написанное специально для ударных инструментов.

— Ух! Хорошо-то как — пробежаться под дождем! — прокричал хозяин, пере-

крывая шум стихии, когда он очутился на веранде.— В молодости, бывалочи, частенько под дожди попадал. Ты проходи, Василий, располагайся, а я тут на веранде окошки закрою, чтобы ветром стекла не побило.

Веранда была метра четыре длиной и почти пустая, если не считать узкой дорожки серого цвета с какими-то синими завитушками, кресла, стоящего в другом конце и тумбочки, на которой находились книга и подсвечник под три свечи. Рамы состояли из мелких стекол — такое Василий видел лишь в старых фильмах, теперь так не делают. Сбоку висела вешалка с козырьком для одежды и шляп. Но самое удивительное, что верхние стеклышки были разноцветными: красными, желтыми, голубыми, фиолетовыми...

Парень обратил внимание, что все они искрились и переливались — это было необычно, ведь за окнами света поубавилось, стало темно, и дождь выливался сплошным потоком, не переставая и даже усиливаясь. А эти стеклышки словно впитали в себя частички света, тепла, кусочки ясного неба и дарили людям радость и надежду, не давая им загрустить, а наоборот, убеждали, что дождь скоро закончится — выглянет солнышко, запоют птицы, а цветы, умытые, напитавшись влагой, зацветут еще более яркими красками.

Василий улыбнулся своим мыслям и вошел в комнату, но очутился в небольшом коридоре. Прямо была дверь в комнату, слева находилась еще одна, а справа расположилась кухня, откуда шли характерные вкусные запахи.

— Ну, ты чего, мил-человек, застыл, как вкопанный? Присаживайся,— произнес, появившийся Пантелеймон Ферাপонтович. Он вошел в кухню, открыл у печи заслонку и подбросил несколько дровишек. Раздул слегка теплящийся огонь и закрыл металлическую дверцу. После этого подошел к столу, на котором стоял самовар, снял трубу, чиркнул спичкой о коробок, поджег бумажку и бросил внутрь. Посмотрел, как там разгорается, добавил несколько тоненьких щепочек и установил трубу на место. Зажег пять свечей в подсвечнике, стоящем тут же на столе, и столько же свечей в другом подсвечнике, примостившемся на буфете. Достал из буфета чашки, ложки, сахарницу, банку с варением, розетки и блюдо, наверное, под пироги.

— Ну, что,— хлопнул в ладоши старичок.— На Руси испокон веков ведется хорошая традиция — путника сначала накормить-напоить, а потом расспросами занимать. Тем более этот ливень, который ты за собой притянул, как-то переждать надо.

— Ну, выдумаете тоже,— улыбнулся молодой человек.— Я его не тянул за собой — он как-то сам по себе двигался.

— Э-э-э, не скажи, Василий, тучи следовали тем же направлением, что и ты. Природа нахмурилась и расстроилась — словно хочет что-то сказать или предупредить. Ты случайно не совершил ничего плохого? Или может, собираешься что-то сделать? Ведь ты же умный человек в институте учишься.

— Да, на последнем курсе.

— Значит должен знать, что мысли — материальны. Вокруг нас не вакуум, а информационное поле. Когда мы говорим, что нас осенило — это значит, что буквы сложились в определенное слово, а слова во фразы и цифры — в какие-то комбинации: и мы что-то изобрели, открыли какой-то закон, либо написали интересное произведение.

— Может быть, думаешь о чем-то нехорошем?

— Чушь какая-то,— сдвинул брови юноша.— Ничего я не собираюсь совершать плохого.

Он пожал плечами и хмыкнул.

— Вас, дядя Пантелей, послушать и можно увериться, что шаманы или целые африканские племена, думая о дожде — и правда, его притягивают.

— А то как же! — воскликнул лесник и всплеснул руками.— Именно так оно и есть.

Налетевший порыв ветра распахнул створку окна и погасил свечи, стоящие на столе.

Хозяин дома потянулся и закрыл окно, а затем щелкнул пальцами, и все пять свечей в подсвечнике загорелись одновременно.

— Ух, ты, а вы все-таки волшебник?! — то ли спросил, то ли произнес утвердительно парень.

Мужчина поморщился, переживая, что дал промашку.

— Это я автоматически. А может — это фокус такой.

— Когда электрические лампочки благодаря реле включаются от хлопка — это понятно, но со свечами, тем более с пятью, такой фокус пройти не может.

— Ну, да, действительно, я — волшебник!

— Вот уже несоответствие. А зачем тогда дрова самому рубить? печь разжигать? стол накрывать? пироги выпекать? воду носить?

— Волшебство не для баловства. Так ведь и облениться можно, молодой человек. Взмахнул рукой или даже нет — только подумал о чем-либо, и мысль твоя тут же материализовалась. И все — пропадет блеск в глазах, мы перестанем удивляться и радоваться, как дети, когда им удастся познать что-то новое. Пропадает интерес к жизни, когда живешь на всем готовом. Поэтому мы, настоящие волшебники, не тратим волшебство по пустякам, а трудимся, как и все остальные люди. Труд — он облагораживает. Ты даже не представляешь, какое я получаю удовольствие, когда делаю что-либо своими руками. И потом эта приятная усталость, и ломота в теле. Плету корзины, вырезаю фигурки животных из дерева и раздаю деревенским ребятишкам. Да много чего. А волшебство мы приберегаем для особых, экстренных случаев.

Я и в лес перебрался жить, чтобы скрыться от тунеядцев и бездельников. Любили наседать и канючить: сделай им то, помоги в этом. Тебе ведь ничего не стоит, ты же — волшебник. А сами палец о палец не ударят для себя самих. У меня все готово.

Хозяин дома взял неизвестно откуда появившийся на столе керамический чайник и стал разливать по чашкам горячий свежесваренный душистый напиток.

Свечи, потрескивая, разгорелись в полную силу, освещая помещение. Кухня оказалась довольно просторная — у окна, расположенного напротив двери, большой стол, по краям четыре удобных стула с высокими гнутыми спинками; справа в углу старинный сундук лежал с открытой крышкой, рядом находилась металлическая раковина с краником, торчащим прямо из стены. Сверху висело несколько открытых полочек со всевозможными баночками, коробочками, сверточками и все это вперемежку с фигурками животных, вырезанными из дерева. С другой стороны почти всю стену занимала печь, похожая на русскую и высотой с человеческий рост, с широкой, почти круглой заслонкой наверху и двумя маленькими дверцами снизу для дров и золы.

От печи по всем стенам тянулись трубы, значит отопление — паровое.

— А что электричества у вас здесь нет? — посмотрев по сторонам, поинтересовался гость.

— Ох, насмешил, Василий! — захихикал старичок.— Какое же в лесу электричество?

— Но ведь свечи очень быстро прогорают, да и дорого.

— Свечи прогорят, а я воск растоплю, фитилек вставлю и новую свечу сделаю. Да и потом долго не засиживаюсь — с закатом спать ложусь. А под свечки вырезаю из дерева разные формочки, и получаются интересные фигурки, словно сказочные персонажи.

— Значит, вы телевизор не смотрите и радио не слушаете, и чем же вы здесь занимаетесь — одни в глуши?

— За лесом присматриваю. Ведь кто-то должен взять на себя такую обязанность. А телевизор — что в нем хорошего? Там ведь ничего нужного не покажут, ну, разве что за редким исключением. А в основном засоряют мозги с юных лет еще не окрепшим, несформировавшимся личностям. А новости мне и сороки рассказывают, — засмеялся волшебник.

Он развернулся к печи, открыл большую заслонку, достал поддон с румяными пирожками и при помощи специальной матерчатой рукавички сложил их на приготовленное блюдо.

— Вот угощайся. Это — с грибами, а те — с ежевикой и земляникой.

Студент разломил пирожок пополам и начал дуть внутрь, чтобы скорее остудить и попробовать — уж очень волшебные запахи распространялись по кухне, и аппетит сразу проснулся.

— Ну, как тебе мое угощение? — поинтересовался хозяин дома, с улыбкой наблюдая за Василием, который уминал уже третий пирожок, запивая его душистым чаем.

— Выше всяких похвал! Давно не ел таких вкусных кулинарных изделий! Да вы — настоящий мастер. И правда — волшебник.

— Экий ты право, юноша. Причем здесь волшебство. Если ты что-либо пытаешься сделать собственными руками и вкладываешь в это не только свои знания и навыки, но и душу, то у тебя обязательно все получится. И это не относится только к приготовлению пищи — это относится ко всему. Например, можно сделать обычную табуретку, на которую никто и внимания не обратит, а можно создать целое произведение искусства, которым все станут восторгаться. Кстати, об искусстве. Посмотри, какие песни звучат сейчас у вас на эстраде — песни однодневки, многие из которых спустя несколько лет никто уже и не вспомнит. Да и песнями это назвать сложно, — махнул рукой Пантелеймон Феропонтович. — А народные песни — их даже вспоминать не надо — они на слуху у всех и передаются детям, а затем и внукам. Поют их и на свадьбах, и на других торжествах и пожилые люди, и та самая молодежь, которая на сцене исполняет так называемые «шлягеры». А почему так происходит — я тебе отвечу.

Потому что народные песни — и не только русские, но и грузинские, украинские, румынские или китайские создавали не ради денег. В них — боль, страдания и мудрость многих поколений, самое главное — есть душа.

Так что волшебство здесь ни при чем. Такие вкусные домашние пироги никакая магия не сможет сделать, уж поверь мне — пробовал.

Студент перестал жевать и глянул на мужчину. Тот превратился в древнего старика: лоб исполосовали глубокие морщины, щеки провалились, будто в беззубый рот, а борода стала раза в два длиннее. Словно объясняя Василию, положение вещей мужчина прожил за это время несколько лет. По крайней мере, у гостя сложилось такое впечатление. Хотя может быть, это просто отблеск свечей — игра света и тени.

— О! А вот и ворон прилетел — на дереве сидит, — посмотрев в окно, проговорил хозяин дома. — Жалуется на свою судьбу, на то, что приходится мокнуть под ливнем. Ругает тебя, за то, что ты притянул этот дождь.

— Да не притягивал я ничего, пусть не обманывает. А вы, что язык птиц понимаете? или шутите?

— А как же! Нам волшебникам без этого нельзя. И не только птиц, но и других зверушек и насекомых, чтобы быть в курсе происходящих событий — вдруг кому-то помощь срочно потребуется.

Ну, ничего, сейчас сильный дождь с грозой природе просто необходим — до этого, поди, две недели с неба ни капли. Так что можно и потерпеть — пусть земля насытится, умоется, приведет себя в порядок.

Ты в Семеновку в гости к кому идешь али как?

— Как вам сказать — я там родился.

— Значит, навестить родные места. Это очень хорошо — молодец! Чайку еще налить? И варенье малиновое попробуй.

— Спасибо. С удовольствием — очень вкусный у вас чай.

— На травах настоящий.

— Мы с родителями потом в город переехали, чтобы я смог окончить школу, поступить в институт. В деревне дед остался — не захотел переезжать. Родители у меня — геологи, мотаются по всей стране — дома не сидят. Деда навещали по несколько раз в год, когда родители из экспедиции возвращались. А в прошлом году дедушка Василий умер и дом свой мне завещал. Родители сказали: «Дом твой — поступай, как хочешь». Вот я и решил его продать.

— Эх, Василий, теперь понятно, что с грозой происходит. Я же тебе говорил, что мысли материальны, вот природа и расстроилась.

— Да ладно, это простое совпадение — стечение обстоятельств.

— Э-э-э, милый друг, не бывает случайностей, все в природе взаимосвязано: как приливы и отливы связаны с Луной, так и наши мысли с окружающим миром. Ведь, как бывает, не видишься с человеком несколько месяцев или даже лет, начинаешь о нем думать, вспоминать и через пару дней сталкиваешься с ним нос к носу.

— Ну, да, действительно, было со мной такое несколько раз.

— Вот видишь. Не продавай, мил-человек дом. Это же — родной дом, в нем родился, там прошло твое детство, а ты отказываешься от своей родины — можно сказать, продаешь ее.

— Да что вы такое говорите — это просто дом.

— Эх, Василий, это не просто дом — это корни, а ты обрубаешь их.

Пантелеймон Ферапонтович резко поднялся со стула, хлопнул от досады в ладоши — все десять свечей разом погасли, но зато вспыхнул яркий свет под потолком.

Студент посмотрел вверх — загорелись электрические лампы в пятирожковой бронзовой люстре, которой до сего момента там не было, но юноша этому уже не сильно удивился.

— Ты сказал, твоего деда звали Василий, значит, тебя назвали в честь него?

— Угу.

— Угу, — передразнил гостя мужчина. — Дед, умирая, завещал этот дом не кому-то, а именно тебе, чтобы была преемственность поколений. Ведь без связи поколений нет продолжения жизни.

— Да мы не появлялись в нем уже около года. Он довольно старый, но еще крепкий — сделан добротнo с любовью на века. Отопление, правда, паровое, а газа и во-все нет.

— Ничего страшного. Можно приезжать на лето, дышать этим чистым деревенским воздухом, а воздух у нас здесь замечательный — сладкий, медовый, дышишь и никак надыхаться не можешь. Поковыряешься в земле, что-нибудь посадишь, потом урожай соберешь — разве это не удовольствие?

Не сравнить с вашим городом — живете в многоэтажках, оторваны от земли русской, природы. Приватизировали свои квартиры и радуетесь. А чему? Приватизировали-то — воздух на уровне 12—30 метров над землей. А здесь — вот она земля!

Волшебник разгорячено ходил из угла в угол.

— Да и добираться сложно, — стал оправдываться юноша. Я сегодня на автобус опоздал, а другой — только вечером, вот и иду пешком.

— И что, пожалел об этом?

— Нет, в этом есть своя прелесть, и воздух действительно вкусный.

— Закончишь на следующий год институт, поступишь на работу, подкопишь денег — купишь какой-нибудь «жигуленок» и добираться станет гораздо лучше и быстрее. Потом постепенно дом подлатаешь, проведешь газ...

— Да я с покупателем договорился — он вечером приедет дом смотреть.

— А ничего страшного, человеку и объяснить можно, что передумал продавать свое родное родовое гнездо. Я уверен — он поймет. До Семеновки — 12 километров, это примерно два часа ходу, у тебя будет время, чтобы все обдумать и принять правильное решение.

Хозяин дома опустил на стул и вздохнул:

— Самое главное — не спеши, подумай хорошенько, разберись в своих чувствах. Не делай поспешных выводов, ведь спешка, ты сам знаешь, когда нужна: при ловле блох, при расстройстве желудка и при охране границы.

Что тебе эти деньги, вырученные от продажи? Они просочатся сквозь пальцы, растают, будто снег летом, исчезнут, словно вода в песок и не заметишь, как они закончатся.

А дом — это основа. Как я уже говорил — это корни, это тонкая связующая нить с твоими предками, это память о них и даже уважение.

Потом женишься, детишки пойдут. Куда семью будешь вывозить на отдых — в Турцию? Египет? А лучше на все лето в нашу русскую деревню — в свой собственный дом.

Раньше большие семьи были — по восемь, пятнадцать человек. Правда, времена не из легких — не все выживали. Хоть ртов и много, но как-то прокармливали, а с другой стороны — какое подспорье родителям! — помощники подрастали. Всяко бывало, но жили дружно — друг за дружку грудью вставали, на помощь по первому зову приходили. А жениться кто из семьи надумает, так всей деревней молодым избу ставили рядом с родительским домом. И с детства приучали к труду: тяжелому, изматывающему, сельскому.

В четыре часа утра просыпаться и пасти корову, а вечером пригонять обратно — поить, мыть, доить. Осенью косить траву — заготовливать сено. И чтобы оно не сгнило под дождями.

Зато сызмальства каждый знал истинную цену хлебу, молоку... Не продавай дом, Василий, не хорошо это как-то.

— Честно говоря, вы меня огорошили своими размышлениями, я даже задумался, — а правильно ли поступаю?

— Вот я уже слышу голос не мальчика, а мужчины. Появились здоровые мысли в твоих словах, а это главное. У тебя в запасе еще двенадцать километров, чтобы все спокойно обдумать и прийти к кому-то решению.

Тебе идти пора, а то я голову заморочил — вижу, мысли шевелятся, в голове твоей не помещаются.

— Но ведь дождь сильный и затяжной, — задумчиво произнес гость.

— Разве? — удивился волшебник.

— Так это ворон говорил.

— А ты уже веришь в это? — засмеялся Пантелеймон Ферапонтович.

— Ну, как же ворону не верить, если он говорит такое, — решил подыграть старику Василий. — Это мудрая птица, давно на свете живет. Стоит прислушаться

Мужчина прищурился, внимательно посмотрел на юношу и произнес:

— Говоришь правильно, но сам не веришь в то, что говоришь.

Он щелкнул пальцами, и дождь прекратился, появилось солнце, запели птицы.

Лесничий приоткрыл одну створку окна — запахло свежестью.

— Мил-человек, отклонись, пожалуйста, назад — шмелик обратно летит.

Василий посмотрел вглубь дома. Оттуда показался гудящий комочек, неторопливо пролетел возле самого носа студента и, слегка ударившись о стекло закрытой створки, сполз на подоконник.

— Экий ты, брат, неловкий,— засмеялся мужчина.— Опять не справился с управлением — промахнулся. Ну, лети сюда, бедолага, откушай твоего любимого вареньица — я тебе уже налил.

Шмелик словно услышал слова хозяина дома, расправил крылышки и, перелетев к столу, осторожно сел на край розетки с малиновым вареньем.

— Я не пойму одного,— задумался молодой человек.— Если вы говорите, что вы — волшебник, зачем вам нужно что-либо объяснять кому-то и уговаривать? С помощью волшебства воздействовали на человека, и он поступил так, как вы считаете нужно, хотя это, может быть, и неправильно.

— Вот ты сам и ответил — это может оказаться неправильным. У человека должен быть выбор, и он сам обязан принять решение. Иначе человек станет мучиться, почувствует какое-то неудобство, будет пытаться что-то вспомнить. Начнутся нервные срывы, и в итоге человек или сопьется, или покончит с собой, или попадет в дом для умалишенных.

Простой пример: много у тебя знакомых, которые бросили курить? И не неделю назад, а уже давно?

— Я таких не знаю,— честно признался студент

— Человеку объясняешь, что — это вредно, уговариваешь бросить, доказываешь, ругаешь, насильно кладешь в лечебницу, заставляешь прилеплять антитабачный пластырь, показываешь последствия от курения, болезни... Но все без толку. В лучшем случае, так называемый пациент, держится несколько месяцев, но потом снова начинает курить. Я лично знаю только троих, которые не докурили сигарету, скомкали почти целую пачку и сказали сами себе: «Мы бросили окончательно и бесповоротно». И с тех пор не курят: один — около пятнадцати лет, а двое других уже более двадцати.

Конечно у них и сила воли огромная, но главный фактор — это то, что они сами приняли решение. А по поводу волшебства, какой же я волшебник? Я просто человек, живущий в ладу с природой.

— Как же тогда объяснить появившуюся люстру и электричество в глубине леса? а зажигающиеся свечи? рубку дров? разговор со шмеликом? прекращение дождя от щелканья пальцами?

Старик посмотрел на потолок. Юноша последовал его примеру — никакой люстры там и в помине не было.

— Может быть, это были всполохи грозы, а показалось, что — электричество и остальное мозг, как мы говорили,— смоделировал и дополнил картинку?

Василий посмотрел на свечи. Они продолжали гореть — все десять.

— Шмелик почувствовал запах варенья и прилетел. А дождь просто сам закончился,— туча проплыла дальше.

Студент сидел и не знал что сказать — все аргументы и доказательства рассыпались.

— Ну, что, Василий, небо прояснилось — тебе пора, тем более что встреча назначена, а людей негоже заставлять ждать. Осталось пройти двенадцать километров. Спасибо, что зашел и удачи!

Как он оказался на дороге юноша не помнит. Но за то время пока шел до Семеновки Василий принял окончательное решение. Покупатель не обиделся, когда ему объяснили ситуацию, а даже похвалил студента.

И у Василия, словно камень с души свалился — стало легко дышать и радостно на сердце. «Какой же здесь все-таки чистый, вкусный, прозрачный воздух», — подумал юноша и, плюхнувшись на спину в траву возле дома, стал наблюдать за проплывающими облаками. Эти белые воздушные создания начали складываться в какую-то картину. В итоге это оказалось лицо, и рот расплывался в улыбке.

«И природа радуется за меня», — засмеялся Василий. Он протер глаза — по небу просто проплывали облака.

Через год студент окончил институт, нашел работу, женился. У них родился сын, с которым они всей семьей с удовольствием приезжали в дом деда и проводили там целое лето. Жилище Василий совместно с отцом, когда тот не уезжал в экспедиции, отремонтировал и даже подстроил небольшую веранду, состоящую из маленьких стеклышек, сверху которой вставил разноцветные. Когда бывал дождь, они любили с женой и сыном, а иногда и с родителями сидеть на веранде, пить чай из тульского самовара, во что-нибудь играть, вести неспешные беседы или слушать музыку дождя и наблюдать за цветными стеклышками, которые, хотя и было темно, переливались всеми цветами радуги, как будто в ясный день впитывали энергию природы и передавали ее людям в ненастное время.

Когда спустя несколько лет Василий решил навестить старика-лесовика Пантелеймона Ферапонтовича и поблагодарить того за то, что отговорил продавать дом деда, то сколько ни искал, так и не нашел избушки. Деревья и кусты те же, тропинка на месте, а строений никаких нет.

Может, ему пригрезилось или приснился этот чудной старичок, или — это действительно волшебник. А волшебники, как говорил Пантелеймон Ферапонтович, появляются, когда в этом есть необходимость и исчезают, лишь только их миссия завершается.

Кто знает...

Сергей Одинок
(г. Тула)

КАСТИНГ

Эпизод из возможного будущего

Выпускник филологического факультета ТГПУ им. Л. Н. Толстого, аспирант; студент 4-го курса ТОККиИ, артист Тульской областной филармонии им. И. А. Михайловского. Пишет стихотворения и рассказы, публиковался в журналах «Рюкзачок знаний» (2007 г.) и «Приокские зори» (2011 г., № 3), сборниках «Вечный огонь памяти» (2010 г.) и «В поисках жанра» (2011 г.), альманахе «Ковчег» (2012, 2013 гг.).

Что сейчас модно — завтра негодно.

Пословица

*Армию станут уважать тогда, когда попасть
в нее станет не легче, чем в правительство.*

Г. Ф. Александров (1908—1961)
советский партийный и
государственный деятель

Дверь с надписью «КОМИССИЯ» распахнулась. Позеленевший юноша с заплаканными глазами вывалился наружу. Громогласный мужской голос председателя комиссии провозгласил:

— Следующий!

Молодой человек, чья очередь подошла, в нерешительности застыл возле двери и робко спросил:

— Можно?

— Не «можно», а «разрешите войти!» — одернул его другой голос: более грубый и резкий. — Когда же вы все, наконец, запомните?! Ведь знаете, куда пришли!

— Извиняюсь... — пробормотал молодой человек, откашлялся и затем бодро и решительно рявкнул:

— РАЗРЕШИТЕ ВОЙТИ!

— Входите! — повелевающим тоном сказал председатель комиссии. — Представьте, пожалуйста.

— Будущий рядовой Иванов!!! — заорал вошедший.

— Отставить! Чуть потише, — скомандовал грубый голос.

— Будущий рядовой Иванов, — прошептал молодой человек.

— Отставить! Чуть погромче.

— Будущий рядовой Иванов!

— Спасибо, достаточно, — сказал председатель. — Итак, откуда вы?

— Я родом с Колгуева.

— Это город? — уточнил секретарь.

— Никак нет.
— Поселок?
— Никак нет.
— Село?!

— Никак нет.
— Деревня?!!
— Никак нет.
— А что это?!!! — секретарь в недоумении вытаращил глаза.
— Остров в Северном Ледовитом океане,— ответил молодой человек.
— Однако откуда вас принесло,— с удивлением воскликнул председатель комиссии.— Чем занимались раньше? Где учились?
— Окончил среднюю общеобразовательную школу № 1 города Нарьян-Мар с золотой медалью...

Комиссия поморщилась и с недовольством посмотрела на молодого человека.
— И, к сожалению,— виновато улыбаясь, продолжил он,— без проблем поступил в Поморский государственный университет...
— Какой ужас!!! — хором воскликнула комиссия.
— Но, к счастью, быстро осознал, что учеба — это не мое и, добившись отчисления, примчался напрямиком к вам.
— Это правильно,— вновь хором сказала комиссия и облегченно вздохнула.
— Понимаете, я очень хочу в армию! — горячо, с чувством заговорил молодой человек.— Я просто не мыслю своей жизни без службы и военной формы!!! Пошлите меня в самую горячую точку, дайте мне самого злющего врага — и я докажу вам...
— Тихо, молодой человек, тихо! — прервал его председатель.— Умерьте свой пыл! Мы вас прекрасно понимаем: сейчас все хотят в армию, не вы один такой... Но количество мест, сами понимаете, ограничено. Конкурс очень большой, поэтому никто вам не может гарантировать, что вы будете допущены к службе. Вступительную программу подготовили?
— А как же!..
— Не «а как же», а «так точно»! — снова одернул его грубый и резкий голос: это оказался военный комиссар.
— Так точно, товарищ комиссия! — не зная, к кому конкретно обратиться, крикнул молодой человек.
— С чего начнете?
— Я бы хотел начать с подтягиваний и отжиманий...
— Ну, этим вы нас не удивите,— заметил председатель.— Тут каждый второй приходит и подтягивается, и отжимается...
— Тогда... э-э-э... строевая подготовка!
— А вот это интересно,— оживился комиссар.— Ну-ка, пройдитесь, продемонстрируйте нам свой строевой шаг!

Молодой человек бодро промаршировал по периметру комнаты.
— Стой, раз-два! — с одобрением крикнул военком.— Так, а теперь мы проверим, как вы знаете строевые команды. Нале-во!.. Напра-во!.. Кр-р-ру-гом!.. Шагом марш!.. Ать-два! Ать-два! Ать-два!.. Вспышка слева!.. Вспышка справа!.. В колонну по три налево — бегом марш!.. Стой, раз-два! Дугами назад разомкнись!.. Огладить лошадей!.. Вольно, разойдись!.. Ну что ж, неплохо, неплохо.

— Теперь проверим вокальные данные,— подключился помощник военкома.— Строевую песню запе-вай!

Молодой человек, маршируя на месте, старательно запел:
— Через две, через две зимы-ы...

— Отставить! — крикнул комиссар.— Это уже неактуально. Что-нибудь другое.

— У солдата выходной...

— Отставить! Что-нибудь поновей.

— Расцвели яблони и груши...

— Отставить! Поновей, молодой человек, поновей!

— Муси-муси, пуси-пуси, миленький мой...

— Другое дело, — похвалил председатель комиссии.

— Стой, раз-два! — вновь скомандовал военком.— Так, а теперь этюд на предлагаемые обстоятельства: вы идете по плацу, а справа от вас неожиданно появляется старший по званию. Ваши действия?

Молодой человек перешел на строевой шаг и первым отдал честь воображаемому старшему по званию.

— Ну что же, хорошо, очень даже хорошо. Посмотрим ваше личное дело,— сказал председатель комиссии и передал слово председателю военно-врачебной комиссии. Тот, поправив очки и взяв в руки личное дело, старательно стал зачитывать:

— Так... Иванов Иван Иванович. Рост: 185 см — хорошо! Вес: 80 кг — отлично! Параметры: 90/60/90 — замечательно! Анализы сданы — прекрасно... Аллергии и судимостей нет?

— Никак нет!

— Изумительно!.. Так, а где же справки? Вы медобследование проходили?

— А как же... Ой, то есть так точно! Вот справки, товарищ комиссия! Прямо на следующей странице.

— Ах, да. Ну-ка, что тут у нас?... Заключение врачей: отоларинголог — «Здоров, блин!», окулист — «Все видит, гад!», психиатр — «Не псих... а жаль!», стоматолог — «Обалденные зубища!»... Так, ну это вы все по месту жительства проходили, там вам могли что угодно написать. Там вас врачи почти не смотрят: так, для галочки, зашли и вышли... А нашу сверхподробную военкоматскую медкомиссию вы прошли?

— Так точно... — поблбднел, ответил молодой человек.

— Ну? А результаты где?

Молодой человек нехотя достал из кармана смятый листок бумаги и протянул его председателю военно-врачебной комиссии.

— Вот... пожалуйста...

— Утаить хотели? Напрасно: от нас ничего не скроешь! Так, что тут?.. Батюшки! Да тут целый букет!.. У вас же, дружок, ОРЗ!!!

— Какое ОРЗ?! — в недоумении воскликнул молодой человек.— Я здоров!

— Это сейчас здоровы! А этой весной болели?

— Ну, я не помню... Может быть...

— Так не может быть, а точно! У нас аппараты не ошибаются! Вот и обследование показало: «Этой весной, с 27 апреля по 3 мая, в организме было ОРЗ». Прошло меньше года. Следовательно, вы временно негодны!

— Но подождите! — воскликнул молодой человек.— Там, в обследовании, помимо болезней, еще и сданные нормативы указаны: бег, метание гранаты, результаты стрельбы... Да вот же! Вы меня направляли в тирный кабинет!

— И какие результаты? — поинтересовался комиссар.

— Сто из ста!!! Несмотря на то, что у вас у всех винтовок прицелы сбиты!

— Что ж, похвально... Но на одной стрельбе, молодой человек, далеко не уедешь,— возразил председатель военно-врачебной комиссии.— Ведь чтобы служить, надо еще и отменное здоровье иметь. А у вас искривление позвоночника.

— Какое искривление?!!!

— Как же? Вот хирург пишет: «Сколиоз. Отклонение от нормы на 1 градус».

— Да разве это искривление?! Его даже на снимке не видно!

— Ну, видно, не видно, а врач-то обнаружил. Значит, есть! И потом... Ой, да вы полностью негодны: у вас же плоскостопие!!! Тот же хирург пишет: «Первая степень»...

— Так это же самая маленькая! Раньше с такой брали...

— Вы нам тут историю не бередите! — вмешался секретарь.— Что было раньше — было раньше! А сейчас мы и с половиной степени не берем. Вот так! Приказ Минобороны.

— Ну, возьмите меня!!! Да я... я вот что могу! — и молодой человек с места сделал тройное сальто назад.

— Дорогой друг! — воскликнул председатель комиссии.— Мы не отрицаем, способности у вас есть, но поймите: вы проходите кастинг в армию, а не в какой-то там вуз или аспирантуру поступаете...

— Да! — подхватил комиссар.— Это вам не сборище очкастых и заумных зубрил, это — АРМИЯ! И не каждому дано в нее попасть...

— Разумеется! — согласился председатель военно-врачебной комиссии.— Если мы всех подряд будем забривать — и здоровых, и больных,— что же у нас тогда получится?!

— Я ЗАПЛАЧУ!!! — в отчаянии крикнул молодой человек и бросил на стол пакет с пачкой денег.

— Как вам не стыдно! Уберите!.. — возмутился председатель комиссии.

— Ой, подождите! — оживился помощник военкома.— А сколько там?

Члены комиссии с остервенением бросились на пакет, но вскоре, брезгливо отбросив его, расселись по своим местам.

— Вы издеваетесь? — вновь возмутился председатель комиссии, правда, уже по другой причине.— Что вы нам тут суετε?!

— Сто тысяч!!! — рыдая, проговорил молодой человек.

— Сто тысяч! Рублей!! Ну и что это?! Ну и куда это?!! Ну и кому вы это предлагаете?!!! Да нам депутаты, бизнесмены, олигархи чемоданами валюту приносят, недвижимость за рубежом предлагают — лишь бы их детей в армию взяли! А вы — сто тысяч! Уберите и не позорьтесь!

Молодой человек забрал пакет.

— Да не расстраивайтесь вы так! — сказал комиссар.— Ну, вернетесь домой, поступите опять в свой вуз — будет у вас высшее образование...

— Я не хочу высшее образование! Это позор!!! — вытирая купюрами слезы, проговорил молодой человек.

— Кто спорит,— согласился председатель военно-врачебной комиссии.— Конечно, это непрестижно... Но что поделать? Не всех же в армию! Она для избранных, а вы, товарищ Иванов, судя по результатам обследования, простой смертный...

— Не переживайте! — ласково сказал секретарь.— Ведь были времена, когда ребята только и думали, как откосить: взятки давали, искали у себя какие-то непонятные болячки, калечились — бывало и такое!..

— Вы мне тут историю не бередите! — огрызнулся молодой человек.— Что было раньше — было раньше!.. Значит так, или вы меня берете, или я... или я вот что сделаю!

После этих слов молодой человек кинулся под стол, за которым сидела комиссия.

— Молодой человек, куда вы полезли? — испуганно затараторил председатель комиссии, чувствуя, как к его ногам приблизились руки и губы молодого человека.— Не надо этого делать! Вылезайте из-под стола! Немедленно!..

— Перестаньте целовать мои сапоги!!! — кричал военком, болтая ногами.— Они

хромовые, их только вчера почистили! Прекратите сейчас же! Уберите свои губы...
Все голенища уже обслюнявили!.. Хватит...

И осознав, что простые слова тут уже не действуют, комиссар заорал:

— **НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РЯДОВОЙ ИВАНОВ, ВСТАТЬ!!!**

Молодой человек пулей вылетел из-под стола.

— Прекратить безобразия!

— Есть прекратить безобразия!

— Равняйся! Смир-р-но! Слушай мою команду: не ревь! **НЕ РЕВЕТЬ**, сказано вам!!! Кру-гом! А теперь домой, на север, к оленям и знаниям,— бегом марш!!!

Молодой человек побежал к выходу.

— И умыться не забудьте! — крикнул ему вслед помощник военкома.

— Ушел?.. Слава Богу! — воскликнули секретарь с военкомом и перекрестились.

Дверь с надписью «КОМИССИЯ» распахнулась. Позеленевший юноша с заплаканными глазами и запачканным лицом выбежал наружу. И вскоре громогласный мужской голос председателя призывной комиссии вновь провозгласил:

— Следующий!

Елена Гаденова
(г. Тула)

Родилась в 1964 году, родом из Сибири. С 1986 года живёт в Туле. Автор четырёх книг и множества публикаций. Член Союза российских писателей.

РАДИ САМОЙ ЖИЗНИ

Блаженова Евгения проснулась рано, не было еще пяти утра. Хотелось пить, мысли не давали сосредоточиться. От того, что плохо спала ночью, лежала, прислушиваясь к глухим звукам проезжающих машин по трассе. А если вдруг засыпала, вздрагивала от неожиданного шума ветра в вентиляционной трубе и даже плакала, что не могла уснуть от всех этих звуков, на которые раньше и внимания не обращала. Несколько раз ночью вставала, подходила к окну и смотрела вдаль, в душе радуясь, что никто не мешает. Какое счастье смотреть на ночной город с высоты многоэтажного дома, видеть его дыхание, сотни, тысячи светящихся огней, и в который раз видеть утопающую в ночи среди силуэтов домов и деревьев церковь.

Совершенно неожиданно Женя почувствовала, что сегодня или завтра родится малыш. Схваток еще не было, но все внутри ее говорило о том, что этот момент наступил, это неизбежно, и совсем скоро случится.

Странно, но последние дни ребенок совсем не шевелился, лишь когда она поворачивалась, лежа, с одного бока на другой, чувствовала, как поворачивается и он, но совсем не толкается, как раньше. «Интересно, о чем он сейчас думает? Каким он родится, каким он будет?» — думала женщина, положив руки на живот. За окном показалось солнце, его лучи тронули небо. В окнах стал вспыхивать свет, к остановке подъехал первый рейсовый автобус, и послышались первые голоса и шаги спешащих на работу людей.

Часам к девяти она аккуратно сложила вещи для ребенка, приготовленные заранее, не спеша умылась, длинные волосы заплела в косу, посмотрела на себя в зеркало, улыбнулась. Казалось, беременность сделала ее еще привлекательней, на белом, чистом лице карие глаза выделялись особенно выразительно, ровные подкрашенные брови подчеркивали их красоту. Глаза улыбались, словно жили на ее лице сами по себе. Длинные волосы также были ее гордостью. Ухоженные и послушные, они в любое время блестели, словно солнечные нити, отчего их хотелось потрогать. Знакомые часто ее спрашивали: «Неужели настоящие?»

Родильный дом района находился далеко — не сразу найдешь. Невзрачная двухэтажная постройка, которую невозможно назвать родильным домом. Со всех сторон двери, а где вход — трудно догадаться. Сделав два круга, Женя стала громко стучаться, но было тихо. Наконец с боковой стороны увидела звонок, обрадовалась, что

сейчас ее услышат, однако все словно вымерли. Вообще говорили, что этот родильный дом скоро закроют на ремонт и на окраине города строят новый.

Дверь открыла высокая худая женщина лет сорока в грязном голубом халате и с тряпкой в руке:

— Войти можно? Столько дверей, а где вход в роддом не указано.

— У нас кругами ходят те, кому интересно знать, кто родился. Зачем пришла-то?

— Как зачем? Вот рожать пришла.

Вопрос удивил беременную.

— Рожать? Ну ладно, зайди, садись вот здесь.

В маленькой прихожей женщина показала на один единственный стул, что стоял у входа.

— Подожди, врач сейчас придет. Нечасто к нам приходят сами-то рожать.

— Замужем?

— А что!?

— У меня самой трое детей, муж сидит. Здесь работаю давно, все уходить собираюсь, но привыкла, да и живу рядом. Сейчас уберусь и домой сбегаю, только вот платят мало.

Женщина еще о чем-то спрашивала, быстро вытирая пыль с окна и стола.

Когда пришла врач, в соседней комнате стало шумно, слышались разговоры, стук посуды, звон медицинских инструментов.

— Раиса Степановна, тут беременная пришла.

— Ну и что? Иди-ка сюда! Воды отошли, схватки были?

— Нет!

— Так зачем пришла?

— Чувствую, что роды приближаются.

— Мало ли, что ты чувствуешь. К нам на «скорой» привозят, а мы в ЦРД отправляем; коек свободных нет, может, ты неделю еще до родов пролежишь. Иди домой, начнутся схватки — вызывай «скорую». — Женя была готова расплакаться, но сидела, обдумывая, что делать дальше. Врач поняла, что уходить она не собирается.

— Что ж мне делать с тобой?

— Раиса Степановна, ну девчонка-то молоденькая, рожать пришла, роды первые и боится, небось.

— Карта обменная с тобой?

— Да!

— Давай! Так! По сроку скоро роды. Ладно, раздевайся. Вера, халат ей принеси.

Через несколько минут вновь прибывшая оказалась в халате без единой пуговицы.

— Одежду сложи в эту наволочку и положи на полку вон за той шторой, когда к тебе придут, одежду пусть забрать не забудут.

— А если не придут?

— Что, одиночка что ли?

— Да, в общем нет!

— Ну, а если не придут, то не переживай, куда вещи не денутся, документы и деньги заberi с собой.

После неприятной процедуры, как это называют в роддоме — дезинфекции, врач спросила данные: сколько лет, место жительства, каково самочувствие на данный момент, потом сунула в руку градусник и ушла в другую комнату.

Уборщица Вера оставила свои дела и села рядом на кушетку.

— Боишься?

— Да вроде нет!

— Ничего, все рожает! Кого ждешь-то?

— Все равно кто родится!

— Что-то не везет нам. Вчера список новорожденных посмотрела — лишь три пацана. Одни девчонки!

Услышав голос Раисы Степановны, уборщица быстро вскочила и загремела ведром в углу.

— Так, Блаженова, сейчас сдашь анализы. Вот тебе направление, поднимайся на второй этаж, в одиннадцатую палату, там на сохранении лежат. Ну, и пока все, отдыхай!

В роддоме было тихо, акушеров видно не было. Женя нашла нужную палату, в которой лежали еще две женщины и тихо разговаривали. Койка оказалась около окна.

— На сохранение положили? — услышала она первый вопрос от незнакомок.

— Да, пока вот сюда направили. Вы что, так и лежите целый день? Времени уже одиннадцатый час.

— А в одиннадцать обход. Есть хочешь? Как зовут?

— Нет, не хочу, а зовут Евгения, Женя.

— Пацанское имя.

— Если захочешь есть, у нас в тумбочке бери, яблок много принесли. Хочешь варенья?

— Спасибо. А вы здесь давно лежите?

В палате лежали две женщины. Одна совсем молоденькая, другой далеко за сорок.

— Давно лежим: Света с начала беременности, а я месяца два. Ой, как здесь все надоело, — взмахом руки указав на соседку.

— А вы сами откуда?

— Я из района. Муж военный, в военном городке живем. Вот третьего решила родить. Врачи говорят: ребенок неправильно лежит, кесарево будут делать. А я очень боюсь! Двоих родила, а все боюсь. Муж мой очень хороший, успокаивает и еду каждый день приносит.

Женщину, что постарше, звали Майя Григорьевна. Она принесла литровую банку сметаны из холодильника и предложила будущим молодым мамам поесть.

Молоденькую Свету постоянно тошнило, кивком головы она показала отказ. Уже несколько месяцев женщина считала дни, чтобы скорее вернуться домой. Из-за страшного токсикоза ей пришлось лежать в больнице с первых недель беременности. Все дни она проводила в кровати, нервничала, но старалась сдерживать плохое настроение.

Ровно в одиннадцать пришла врач.

— Ну что, мамочки, как у нас дела? Майя Григорьевна, как ваше самочувствие?

— Нормальное, Раиса Степановна, только скажите, скоро ли мне рожать? Я уже устала здесь лежать.

— Недели две, а потом искусственные роды будем вызывать.

— Уж скорей бы отмучиться.

— Так, что у тебя, Светочка? — И, улыбнувшись, тронула живот беременной, прослушала стук сердца плода, сказала, что все хорошо.

— Как у тебя дела? — обратилась Раиса Степановна к Блаженовой. — Температура в порядке, анализы сдали?

— Да, час назад!

— Отдыхайте.

После обхода в корпусе послышалось оживление. Их палата оказалась рядом с санузлом, откуда раздавались громкие голоса и смех. Вставать не хотелось, разговаривать было лень и даже жевать яблоки, что щедро раздавала Майя Григорьевна. От

вида за окном становилось тоскливо — редкие, торчащие из стороны в сторону ветки деревьев на фоне белого мартовского неба. Еще вчера светило солнце, а сегодня легкий морозец сковал оттаявшие лужицы. Захотелось отвернуться к стене и ни о чем не думать. Соседки тоже скоро замолчали: Майя Григорьевна читала, а Света заснула, немного поворчав, что пичкают ее таблетками, а она их пить все равно не будет, только ребенка травят.

Неожиданно все вздрогнули от громкой фразы: «Вставайте, вставайте обедать!»

Из палат стали выходить матери в темно-синих халатах, и что удивительно: все халаты были без пуговиц и поясов. Придерживая и соединяя полы рукой на животе, женщины шли на обед. Столовой как таковой не было. В небольшом холле стояло два огромных холодильника и четыре квадратных стола с несколькими стульями, которых на всех не хватало. Бледные, с плохо расчесанными волосами, медленными шагами, тихо перешептываясь друг с другом, роженицы подходили к раздаче, брали жидкий суп, второе и ровно двести граммов — третье. Каждой из женщин подумалось, что кормят в роддоме не ослабленных после родов матерей, а ясельную группу детского сада, настолько вид пищи был жалок. Те, кто пошустрее, заняли стулья сразу. Остальные обедали стоя, держа в руках тарелки и стараясь как можно тише греметь ложками.

Пожилая повариха на раздаче, выдавая тарелку или стакан, разглядывала каждую женщину, а раздав всем пищу, долго и пристально смотрела на них, словно боялась, что кто-нибудь возьмет лишний кусок хлеба или масла. От ее взгляда многие отворачивались и, стоя к ней спиной, молча ели.

После обеда тихий час. В родильном доме стало так тихо, что слышались голоса малышей из палаты новорожденных, куда некоторые мамы пытались заглянуть.

Спать не хотелось, в голове смешались все мысли. А когда из родовой послышались крики только что привезенной роженицы, всем стало не по себе, затошнило, и как будто заболело все тело. Страшно не хотелось слышать эти крики, но весь роддом как будто замер, жалея ту, что сейчас мучается.

— Кричит-то как, бедная!

— Да, в душе все переворачивается!

— Когда же отмучается, Господи!

У женщин все мысли сосредоточились на этих криках.

— Ой, мамочки, а-а-а, да помогите же кто-нибудь!

Света и Майя Григорьевна возмутились: «Да сколько же ей кричать, человек рождает, подойти, что ли, не могут!»

Сколько времени прошло, Женя не знала, не помнила, когда закончились крики — она заснула. Соседки по палате на ужин ее будить не стали и, как только она открыла глаза, доложили, что чай остыл, стоит на тумбочке, сообщили, что у той, которая так долго кричала, родилась девочка, и они ее видели.

Перед сном около двери их палаты, которая была еще и рядом с душевой, оживленно толкались в очереди женщины со всего этажа. Душ был один, а желающих — много, и всем надо попасть обязательно, но вода, как назло, льется медленно. Те, что пришли раньше, сидели на кушетке, те, кто позже, занимали очередь, уходили, возвращались. Скоро кормить детей, и все спешили.

Так прошел день.

Ночью у Жени начались схватки. Сильные боли почувствовала не сразу. Внизу живота вдруг сильно заныло, стало происходить непонятное: такое впечатление, что бедра и тазовые кости расходятся. Боли усиливались, и Женя вышла в коридор, села на кушетку, не зная, что делать дальше. И началось... ни сидеть, ни лежать, боль и снова боль. Минут через двадцать появилась сонная акушерка, увидев ее, спросила:

- А ты что здесь сидишь?
- Схватки начались, чувствую себя плохо.
- Ладно, сейчас.

Помыв руки, она велела идти за ней. В коридоре встретила дежурная акушерка с первого этажа.

- Рожать, что ли, собралась?
- Да, вот веду. Сегодня только у двух роды принимали, ночью и днем, с одной очень намучились.

Подойдя к предродовой, акушерка сказала снять халат, сунула в руки сменное постельное белье, войдя в палату, показала на кровать: «Раздевайся, ложись здесь».

Вглядевшись, Евгения увидела четыре высокие кровати без спинок. На каждой лежали короткие матрацы, а на одной был свернут. Ярко горел свет. Она расстелила простыню, сняла ночную рубашу, со слезами забралась на кушетку и накрылась простыней. Лежать было невмоготу, охватывал страх, казалось, боли полностью овладели сознанием, потекли слезы...

Услышала голоса акушерок, и на какой-то миг стало легче. Когда одна из них вошла, надевая перчатки, обрадовалась, что скоро все кончится. Увидев роженицу, акушерка остолбенела:

- Ты что это голая лежишь, вот дура!
- Так вы же сами сказали: «Все снять!».
- Сказали, сказали, одевайся. Подожди, я ночнушку чистую давала тебе?
- Нет!

— Тогда на эту, надень. Давай посмотрим, что у тебя, не пора ли тебе... Нет, лежи еще, будут схватки сильнее, дыши глубже, поняла?

Спокойно лежать уже не пришлось, она стонала, поворачиваясь с одного бока на другой, иногда чувствуя то облегчение, то снова боль, которая приводила ее в отчаяние. Лежать было неудобно — маленький матрац — и голова все время оказывалась на железной сетке. Когда схватки усиливались, по совету акушерки, дышала глубже и мертвой хваткой держалась за кровать, стараясь не кричать.

И опять резкая боль... И с этой невыносимой болью сливалась огромная трещина на стене, похожая на злобного паука, который смотрел прямо в лицо.

- Спишь, что ли? Рожать думаешь?

Акушерка толкнула рожавшую женщину, быстро сделала укол и снова ушла. От укола по всему телу прошел жар, горело все: тело, руки, лицо — и сознание словно куда-то провалилось. И опять: боли, стоны, стоны, боли, боли, схватки, слезы...

Простыня, клеенка — все сбилось на кровати. Била дрожь, тряслись руки, бросало вновь и вновь в жар... раскальвалась голова.

- Дыши глубже, тужься, не ленись,— повторяла акушерка.

Врач из другой смены, увидев происходящее, засуетилась:

- Срочно в родовую!

Женя спустилась с кровати, придерживая рукой живот:

- Боюсь, не дойду! — и заплакала.
- Дойдешь, следующая дверь рядом...

В родовой мучила только одна мысль: вдруг ребенок сейчас пойдет, задохнется, погибнет... После пересменки новая врач больше понравилась Жене своим отношением. Она говорила роженице одно и то же:

— Не волнуйся, сейчас ты родишь, ты хорошая, спокойная, только слушай и делай, что я тебе буду говорить.

Ее мягкий голос успокаивал.

- Тужься, еще, еще и последний раз...

И все, больше никаких мучений.

— Девочка у тебя родилась, слышишь?

Она положила ей на грудь мягкий маленький фиолетовый комочек. Крохотный человечек с маленькими ножками, ручками вдруг заплакал. Охватило огромное счастье и облегчение.

Вся сжатая, согнутая под воздействием долгой привычной обстановки, девочка сначала странно затихла, потом приоткрыла глазки и вдруг заплакала.

— Отмучилась! — сказала акушерка и накинула на родившую женщину простыню, потом быстро привела другую стонущую, что привезли на «скорой» и у которой схватки начались еще дома, еще раз предупредила, что вставать после родов можно часа через три, четыре.

... Все позади, есть прекрасная дочь, маленькое чудо, и ради нее необходимо жить. Сильно хотелось пить и, несмотря на слабость, Женя решила встать, но женщины в палате удивленно спросили:

— Куда это ты пошла? Упадешь еще!

— Пить очень хочется!

— Сейчас мы тебе принесем!

— Ладно, я сама дойду.

— Пить воду можно только кипяченую в самоваре, да только сейчас там нет её.

— Я схожу в умывальник.

Идя по тусклому коридору, неожиданно встретила Раису Степановну.

— Блаженова, у тебя неважные анализы, перевожу тебя на первый этаж, где лежат с заболеваниями, рожать там будешь.

— Я родила уже!

— Как родила? Когда?

— Час назад!

— А идешь куда?

— В умывальник воду пить!

— А самовар для чего, в какой палате лежишь?

— В четвертой.

— Ладно, иди, отдыхай! Родила-то кого?

— Девочку!

Подходил к концу второй день пребывания в родильном доме. Кормить дочь, сказали, принесут утром.

Женщины в палатах лежали молча, думая каждая о своем. Штор на окнах не было, поэтому старались не включать свет, да и не хотелось смотреть на серый, в трещинах потолок, где во многих местах отвалилась штукатурка и побелка. В окна заглянуло утро. Притягивали, светились и исчезали звезды, озаря самый обычный прожитый день, полный особой таинственности, таинственности рождения новой жизни и мыслями о будущем, таинственности этих звезд, от созерцания которых сжималось сердце, от уходящей ночи, что, забирая в свои сны, оставляла надежды на лучшее будущее и ожидание первых лучей солнца, чтобы жить дальше ради детей, ради любви и ради самой жизни, которая никогда не закончится...

НЕУВЯДАЕМЫЙ ЦВЕТ

— Иди, спать ложись, Валентин, неужели не устал писать? Каждый день одно и то же, а потом на здоровье жалуешься.

Поэт посмотрел на жену, внимательно глядя в ее лицо.

— А помнишь, тебе нравилось, что я много пишу? Ты восторгалась, просила читать тебе стихи еще и еще. И я читал много стихов и много о любви!

— Когда это было, дорогой мой поэт! Давно, очень давно. Я и сейчас говорю, что стихи твои прекрасны, да только кому они нужны? Мы уже лет десять не можем купить тебе новый костюм, а ведь скоро твой юбилей! Всю жизнь мечтали о доме, а живем в хрущевке. У тебя до сих пор нет своего кабинета. Пенсий едва хватает на оплату квартиры, продукты дорожают с каждым днем...

— Но я — признанный поэт! Интересной была работа, много сделано! Ты что, меня упрекаешь?

— За что мне тебя упрекать? Не обижал никогда, а чувство недосказанности, недолюбленности между нами есть. Как будто все время чего-то не хватало. Ты часто был в командировках, в своих вечных творческих разъездах, я с одной работы на другую, изматывалась — вот так и жили.

Случалось, хотела к тебе подойти, обнять, а ты писал и все время просил не мешать.

— Ладно, пойду, чайник поставлю.

Жена поэта, Алина Сергеевна, еще несколько секунд молчала, потом вздохнула, глянула на напольную вазу с искусственными цветами, которые она давно собиралась выбросить, посмотрела на себя в зеркало и, дойдя до кухни, включила небольшой приемник. Она давно разочаровалась в жизни. Молодость не вернуть, здоровье пошатнулось, от работы устала, пенсионный возраст страшил, впереди — пустота.

Единственное, что ее радовало — это прогулки с трехлетней внучкой, которую она баловала и брала к себе при любом удобном случае. Она любила дочь и сына, но любовь к этой маленькой девочке делала ее существование на какой-то миг счастливей тем счастьем, которое продляло её желание жить.

Фонари на улице давно погасли, но дом содрогался от громкого стука: кто-то делал ремонт и не мог остановиться.

«Сейчас никто ни с кем не считается», — подумала Алина Сергеевна и вместо чая налила в тазик воды и стала протирать пыль на полках. Спать не хотелось, а привычка делать что-то по ночам давно стала ее хобби, как говорила она мужу и соседям.

Поэт сидел за письменным столом. Мысли его охватывали все, что воспринимал слух: гремяние лифта, оры за окном, плач ребенка в соседней квартире, звуки далекой музыки. Но вдруг все исчезало, и перед ним являлись образы тех, кого он очень часто вспоминал.

Он видел детство, отца, который не вернулся с фронта, мать, с которой пацаненком ходил по несколько километров в день из деревни в город и обратно, чтобы продать молоко. Он вспомнил молодую женщину, которая была в него влюблена, и многие годы постоянно ходила на его творческие вечера и встречи, дарила цветы. Женщина была запоминающейся, высокой и очень худой, но длинные волнистые волосы притягивали взгляды, красиво свисали с плеч и были необычного цвета — каштаново-золотистые. Каждый раз она была одета в новую вязаную вещь. То это было длинное платье с причудливыми узорами и крупными застежками, то брючный костюм, или сарафан, вышитый бисером.

Да, он нравился женщинам, но жена ждала первенца и мысли о рождении ребенка были более важные. Часто жена лежала в больнице, нужны были деньги, которых не хватало, и он работал, много работал...

Валентин вдруг поймал себя на мысли, что никогда не изменял супруге за все годы их совместной жизни. Поэт осмотрелся, как будто в первый раз увидел супружескую кровать, которая была застелена все тем же, уже выцветшим, гобеленовым покрывалом, по-новому, с удивлением он посмотрел на старый письменный стол, на стеллажи с книгами, которые когда-то сделал сам.

Много лет многотомники известных писателей смотрели на этот мир, храня в се-

бе истории и события, иногда глотая непротертую пыль, а иногда, пользуясь случаем, читались. Вот, собственно, и вся жизнь. В зале росли дети, но все, что касалось воспитания и быта, лежало на плечах Алины Сергеевны.

«Да, жизнь быстро пролетела!» — мелькнуло в голове Валентина Григорьевича. Он искренне страдал. В этот миг ему казалось, что боль, которая пронзала его сердце, никогда не исчезнет. Боль, что не смог сделать счастливой жену, решить жилищный вопрос (увеличить, хотя бы на одну комнату, квартирку, в которой он даже не может сделать ремонт — нет средств). Боль, что не баловал подарками женщину, с которой прожил много лет, что прошел мимо детства своих детей, упустив что-то важное и для себя и для них. Боль за свою Родину, которую любил преданно, и все катаклизмы, происходящие в стране, переживал, как личную трагедию. Он мечтал прожить жизнь достойно во всех отношениях, и ему это удавалось. Пусть изданных книг не так много, но он ни у кого ничего не просил, не унижался. Выступая на творческих встречах, всегда говорил о боли, что являлась спутницей его судьбы. Деградация в обществе, открытое пьянство молодежи и подростков, постоянный протест в душе к везде слышимой нецензурной речи, тихое исчезновение интеллигенции — закрывались дворцы культуры, исчезали книги местных писателей, в средствах массовой информации не уделялось внимания той духовной пище, без которой невозможно существование вообще. Открывались торговые центры, рестораны, пивные забегаловки и ларьки, игорные дома, ничего не делалось для детей, для грядущих поколений.

Поэтому было невыносимо больно от того, что он ничего не мог изменить. Его мечты о лучшем будущем давно свелись к нулю.

Он вдруг ощутил во рту соль и удивился: из глаз катились крупные слезы.

Валентин Григорьевич почувствовал на себе чей-то взгляд, хотя в комнате кроме него никого не было. Внимательно осматривая комнату, увидел портрет Пушкина, в небольших рамках фото жены, сына, который служил военным в Мурманске, дочери и внуки, несколько общих. Вытирая слезы, поэт вдруг вздрогнул и удивился, что на какие-то секунды забыл обо всем. Прямо в лицо поэта смотрела икона Богородицы «Неувядаемый Цвет». Ему показалось, что она улыбалась, держа на руках маленького Спасителя и красивый цветок, похожий на лилию. Он увидел в этом особое знамение, успокаиваясь и внимательно всматриваясь в икону. Икона потрясла его до глубины души. Живые глаза Богородицы смотрели на него с любовью, открывая в нем чувство счастья, трепета перед жизнью и необъяснимо прекрасным ощущением: «Этот «Неувядаемый Цвет», как жизнь, никогда не исчезнет, потому что есть еще дела, есть желания, я напишу новую книгу, сделаю ремонт в квартире, куплю внучке огромную мягкую игрушку!»

Несколько минут он сидел задумчиво за столом, ощущая тепло, исходящее от иконы, медленно встал и пошел на кухню. Он увидел, как Алина Сергеевна настраивает приемник на свою любимую волну радио-ретро. Слышались то громкие, то затихающие звуки знакомых мелодий. Он почувствовал нежность и высшую благодарность к этой женщине, которая была верна ему всегда и во всем.

А все же она сохранила красоту: все те же красивые руки, зеленые притягательные глаза. Подойдя ближе, молча обнял ее и крепко прижал к себе.

«Завтра подарю ей красивый пеньюар или новое платье,— подумал он и, целуя в шею, тихо сказал: — Прости!»

Жена трогала в ответ теплыми ладонями спину, щекой касаясь его щеки, так же тихо произнесла: «Ты меня тоже прости!»

Они крепко обнялись. Казалось, замерло время, словно открыв для них особенное пространство. По радио пел Элвис Пресли, напоминая о молодости, и этот миг был тем глотком воздуха, который открыл для них новый этап их совместной жизни!

— Давай пить чай! Я сегодня пекла печенье для внучки, и нам полакомиться осталось. А еще, я думаю, может, нам с дочерью поговорить, пусть приезжают и живут с нами: жилье им оплачивать все труднее. Думаю, зять согласится, а мы уж как-нибудь в спальне доживем свой век, только вот шторы новые куплю, посветлее.

Валентин Григорьевич во всем согласился с женой, пил чай, искренне нахваливая выпечку, подумал, что и на кухне необходимо сменить мебель, приходили на ум строки из новых стихов, потом долго лежал с открытыми глазами, рассматривая темноту. Казалось, от иконы исходил свет, пространство светилось. Алина Сергеевна, держа в своей руке руку мужа, спала.

Светящийся воздух пронизывал все его существо! Он чувствовал новые силы и новую жажду к жизни. Новые мысли тревожили и радовали. Чувство уверенности, молодости переполняло, новый цикл стихов стал пробуждаться в нем с новой силой и, прижавшись головой к голове супруги, поэт шепотом произнес:

— Спасибо, Пресвятая Богородица!

Было невероятно тихо, но огромный мир прозы и поэзии смотрел на эту спящую пару добрыми глазами, наслаждаясь удивительным зрелищем. На всю комнату раскрывшимся золотым лотосом, пульсирующим мерцающими вспышками сиял Неувядаемый Цвет.

Татьяна Рогожина
(г. Тула)

ИЗ ЦИКЛА «ОДНОГО ДНЯ МАЛО»

Печатается в журнале «Приокские зори», альманахах «Ковчег» и «На крыльях «Пегаса». Член литературного объединения «Пегас» при Тульском региональном отделении Союза писателей России.

ЗАРАЙСК

Приятная привычка гулять по воскресным дням появилась в прошлом году, вытеснив типичные дачные развлечения. Нам захотелось вдруг свежих впечатлений и новых фотографий.

Гулять решили подальше от дома, но так, чтобы вечером вернуться.

Супруг, человек основательный, призвав в помощь интернет, заранее составлял маршрут, изучал отзывы и определялся с объектами, которые стоит посетить, я же, существо изначально легкомысленное, в детали не вникала, на фото не смотрела, потому как хотелось сюрпризов, чтобы приехать, раскрыть широко глаза и удивляться не переставая.

Все незнакомое, любопытное, таинственное!

Накопив небольшой опыт поездок, вдруг поняли, что нам, слишком перегруженным информацией — книги, интернет, радио,— от воскресной прогулки нужны в первую очередь эмоции и ощущения, а не факты, названия архитектурных стилей и подробности чьих-то биографий, которые всегда можно узнать чуть позже, если будет в том необходимость.

Желание новизны и чуть-чуть авантюризма сделали из нас, инертных городских жителей, охотников за впечатлениями. Причем, впечатления эти каким-то образом каждый раз трансформируются в дополнительную энергию, которой в избытке хватает на всю рабочую неделю до следующей поездки.

А теперь все по порядку.

В начале июня гуляли в старинном городе Зарайске, что находится в Московской области.

Два часа с хвостиком туда и столько же обратно.

Нам времени не жалко, едешь себе, по сторонам поглядываешь, глаза от городской жизни отдыхают, да и в голове хорошо делается, пусто. Освободившееся место постепенно заполняют живописные пригорки, облака причудливых форм и всякие глупости. Глупости — это у меня, у мужчин такого не бывает.

— Надо же, везде жизнь,— удивляюсь я, едва успев разглядеть промелькнувшую картинку деревенской жизни, в которой девчонка ловко кидает мячик через забор, а он к ней возвращается снова,— интересно, а кто там за забором...

Добравшись до места и оставив машину на стоянке, первым делом отправляемся изучать кремль, расположенный, как и весь городок, на высоком берегу реки Осетр.

Самое забавное, с Зарайском мы познакомились в конце восьмидесятых, но память моя ничего об этом событии не сохранила. Вообще. Видимо потому, что задачи были другие. Во времена тотального дефицита катались тогда по московской провинции в поисках обуви, одежды и парфюмерии. Смутно помню только понтонный мост в Озерах и все. У супруга положение чуть лучше — в его воспоминаниях отыскались куры и утки, неспешно гуляющие вдоль кремлевской стены.

Так что удивляться будем, словно в первый раз.

Зарайский кремль неплохо сохранился, хотя построен так давно, что страшно представить. Архитектура лаконичная, без излишеств. Семь башен, у каждой свое название, два каменных собора, мощные въездные ворота.

Суровые стены крепости из красного чуть выщербленного кирпича готовы, как и пятьсот лет назад, отразить любую атаку врага, но признаки мирных времен — качели и трогательная стоянка для велосипедов, сбивают с них воинственный настрой. Цветущие ирисы с сиреневыми прожилками, пышные пионы, полосатый кот-попрошайка и чье-то венчание в Храме тоже говорят о спокойном течении жизни.

Возле ворот расположились лотки с сувенирами, а напортив открыта дверь, и можно подняться на стену. Едва ступив на стертую и крутую лестницу, слышим слегка ироничное предупреждение продавца:

— Смотрите, а то экскурсия скоро закончится, дверь — на замок, и будете там до следующей группы по кирпичам бегать, просить, чтоб выпустили, а у меня ключа нет...

О его словах быстро забываем, потому что со всех сторон потрясающие виды и новые ракурсы для фотосъемки. Местами переходы полуразрушены, а размеры провалов впечатляют. Здесь ушедшие времена ощущаются легким холодком по спине. Но если осторожно заглянуть в одну из бойниц, то акварельные краски зелени на фоне голубого неба возвращают покой.

— Закрываем, закрываем! — кричит экскурсовод, и мы спускаемся в настоящее, где неожиданно выясняется, что пора бы и покушать.

Неподалеку вполне современное кафе. Занимаем столик на улице, ждем, жмурясь на солнце, когда выполнят наш заказ, а мимо по каким-то своим собачьим делам бегают ничейные псы с вполне добродушными мордами, где-то смеются дети, тихо шуршат шины проезжающих редких машин. В двух метрах от нас, поднимая облачка теплой пыли, копошатся куры под присмотром не очень красивого, но бойкого петуха.

Приветливая официантка, вкусные котлетки и салат по вполне приемлемым ценам дополняют наши впечатления.

Тихий, уютный, немного сонный городок.

Пообедав, идем смотреть на живописную речку Осетр с небольшим искусственным водопадом, желтыми кувшинками и островками зелени, возле которых неподвижно стоят рыбаки в высоченных сапогах в ожидании удачи.

Умиротворение и неспешность, а в облаках голубые окошки. Наверное, для красоты. Или чтобы за нами присматривать?

Поднимаемся обратно в гору, чтобы пробежаться по центру городка, там тоже много интересного — торговые ряды 16 века, памятники, храмы и улочки, где нет ни одного высокого дома, зато имеется старинная водонапорная башня, загадочная издалека и совсем непривлекательная вблизи.

Облака вот-вот соберутся в тучи, но мы еще не все посмотрели.

От башни уходим влево и снова направляемся в сторону речки, но ниже по течению. Здесь находится святой источник «Белый колодец», но как только мы спускаем-

ся по длинной каменной лестнице с перилами, лавочками и вполне современными фонарями, начинается дождик, и судя по отсутствию просветов в небе, он надолго.

Нынешнее лето к единственному нашему выходному обязательно припасало тучи, когда грозовые, порой так себе, способные лишь пролиться коротким грибным дождем, что совсем не страшно, а иногда моросило что-то бесконечное и скучное, как сегодня.

Пора уезжать, а жаль. Мы не успели изучить местные музеи и не заглянули в село Даровое, где есть дом, в котором в юные годы жил Достоевский, романы которого мне всегда нравились.

Одного днянам точно мало.

БОГОРОДИЦК И КУЛИКОВО ПОЛЕ

Странное ощущение осталось от посещения усадьбы графов Бобринских, построенной в далеком восемнадцатом веке.

Пробыв там чуть больше часа, мы поняли, что хочется сбежать. Причем без всяких на то оснований. Вроде бы и парк неплохой, пусть немного запущенный, но когда это мешало нам гулять среди деревьев? Сам дворец, стиль которого прост, сдержан и рационален, эффектно стоит на холме. Над входом висится колокольня, изящная и лаконичная в своем устремлении к небу. Хороши также и виды на город, улочки которого веером разбежались в разные стороны, начав свой путь от большого овального пруда, через который перекинут длинный ажурный мост.

Но ощущения комфорта нет.

Быть может, причина в пасмурной и ветреной погоде?

Или устроители что-то недоглядели, поместив возле ворот не рекламный щит со словами «Добро пожаловать!» и «Мы вам рады!», а длинный перечень правил, в которых перечисляется все, что в парке делать нельзя, а за нарушения полагается административная и даже уголовная ответственность. Причем, предупреждены мы были дважды — сначала у одного входа, потом у другого.

Как-то негостеприимно.

Посовещавшись, уезжаем на Куликово поле, которого я еще ни разу не видела, потому что военная тема мало интересует, а муж там бывал, но так давно, что мы не сразу нашли колонну, которая в его памяти осталась, как нечто высокое, чугунное и значительное.

И вот что удивительно, погода в селе Монастырщина, где находится музейный комплекс, все та же, с ветром и почти без солнца, но как же там оказалось здорово, несмотря на неубранную территорию после прошедшего накануне фестиваля авторской песни и помятые лица его участников.

Величие и мощь этого места стирает все шероховатости и мелочность нынешнего бытия.

Осмотрев все внимательно, оставляем вдали зеленые купола храма Рождества Богородицы и отправляемся на поиски чугунной колонны, что не дает нам покоя. В семи километрах от музея на Красном Холме памятник, тридцатиметровый триумфальный столб, поставленный в честь Дмитрия Донского, наконец-то нашелся.

Супруг с довольным видом изучает ниши с барельефами, что расположились в нижней части, а я, задрав голову, любуюсь золоченой маковкой с православным крестом, венчающей колонну.

Неподалеку расположилась смотровая площадка с бронзовой огромной плитой-картой, изображающей расстановку сил во время легендарного сражения, а чуть дальше — удивительно красивый Храм Сергия Радонежского, непривычный по ис-

полнению, с двумя боковыми башнями, стилизованными под шлемы русских воинов, а между ними, словно под защитой, спрятался небольшой храм.

Домой возвращаемся под присмотром небольшой, но мобильной тучки и с ощущением, что не все увидели и не все поняли. Это я про Богородицк и графскую усадьбу. Должна же быть причина, по которой оттуда захотелось сбежать. Позже выяснилось, что и не только мы...

Интернет предложил свои версии. Граф Алексей Бобринский, внебрачный сын Екатерины II и Григория Орлова, вполне мог оставить некий отрицательный энергетический след, переживая из-за своего не очень законного появления на свет.

Несчастлива судьба и самой усадьбы, построенной на остатках земляных валов старой крепости. В 1941 году немецкие отступающие войска превратили дворец в руины, и лишь в конце шестидесятых началось постепенное восстановление «графских развалин».

Не обошлось в Интернете и без легенд. Там и «камень любви», на котором следует молодоженам непременно посидеть, чтобы получить гарантии любви на вечные времена, ибо на этом камне наблюдал закаты когда-то и граф Алексей Бобринский с полюбившейся ему крепостной девушкой. И подземный ход, который пока не обнаружен, хотя местные жители уверены, что тоннель существует, соединяя дворец с церковью. Имеется в усадьбе для полноты картины и свое приведение.

Быть может, именно призрак женщины в белом, что утопилась в графском пруду из-за неразделенной любви к садовнику, распугивает чувствительных туристов?

Сплошь тайны и загадки.

Тамара Булевич
(г. Красноярск)

ОТЕЦ

Дмитрий Амосов — рослый красавец с копной темных, вечно косматых, непослушных волос был коренным сибиряком, потомком первых казаков — переселенцев с Дона и Поволжья. Аборигены Енисейской губернии таких называли чалдонами. Общительный и услужливый, он со всеми находил нужный разговор, был лидером у деревенских мужиков. Те роились вокруг и липли к нему, как шмели на сахар. По вечерам в будние дни в амосовской кузне лавок не хватало. Мужики сидели на полу, постелив под себя лоскуты старой кошмы, и расходились по домам за полночь, частенько гонимые незлобивой женой хозяина Людмилой.

На шумных гулянках Дмитрий, лихо распластавший ромашковые меха старенькой гармошки и едва успевший пройтись по аккордам, был тут же настоятельно востребован друзьями. Те торопили и до самой ночи не давали ему никакого продыху: «Спой да спой». Есть в заимке певцы и поголосистей, но застольный народ настойчиво требовал: «Давай, Амосов, давай!»

И он затягивал одну за другой старинные казачьи песни. Негромко, с легкой хрипотцой, раскатистым, будто Тунгуска на порогах, голосом. И сразу селяне начинали несмело, нестройно подтягивать, подвывать ему. А то просто тихо улыбались, потаненко смахивая увесистыми кулаками быстрюю талую слезу души.

Дома Амосов не навязывал своего главенства. Безмерно любил раскосу красавицу Людмилу, однажды летним вечером выкраденную им из богатого чума. Отец девушки, уважаемый знатный оленевод Эмидак Монго, пообещал ее в жены известному в Приангарье охотнику Онкоолю Момолю. Степенный, знающий себе, своему слову цену Монго слушать не хотел о другом зяте. И вовсе не потому, что Момоль давал за невесту десять оленей, десять ящиков водки и пятьдесят баргузинских соболей. Да каждое лето на годовщину свадьбы обещал дарить тестю по шкуре медведя и рога сохатого в придачу. «Подумай, дочь! — уговаривал отец Людмилу. — Завидный жених из древнего рода желает тебя в жены. Момоль — такой же, как мы, эвенк. Сын тайги. Преданно служит ей. А как ты собираешься жить в поселке без Энин-Буги, прародительницы нашей, оленихи-мамы?!»

Но были запоздалыми доводы и уговоры отца...

К тому времени Дмитрий и Людмила уже полюбили друг друга и торопились стать мужем и женой.

Познакомились влюбленные в Байките на слете молодых буровиков нефтеразведки, где Дима в фойе клуба пел под гитару «Главное, ребята, сердцем не стареть!». Тогда напротив его стояла черноволосая девушка с распахнутыми, темнее ночи, лукавыми глазницами и слишком откровенно разглядывала симпатичного парня. В какое-то мгновение молодого исполнителя так захлестнуло волной ее флюидов, что у того горло перехватило. Казалось, сердце вот-вот вырвется из груди и, пылая, поле-

тит к чаровнице... Возгорелся певец. Вспотел и задохнулся, забыв про все на свете, где есть и что делает. Не допев песню, смущенно извиняясь перед зрителями, он торопливо отдал гитару в руки виновницы своего провала. Та восхищенно и счастливо приняла ее, словно севшую на ладони жар-птицу. Потом они долго бродили по звенящим солнцем улицам, рассказывали о себе самое сокровенное, потаенное и только вечером спустились к причалу, где к назначенному часу стояла моторка, присланная за Людмилой отцом Эмидаком.

Потеряв рассудок от нахлынувших, неподвластных чувств первой влюбленности, первого расставания, Дмитрий растерялся, не зная, что предпринять и как дальше жить, без этого лесного чуда — такой прелестной и единственной во всем свете Людмилы. Долго не раздумывая, сел вместе с ней в лодку, которая полетела вниз по Тунгуске стремительной белокрылой птицей. Вскоре они предстали перед строгим взглядом Эмидака Монго, уничтожающе сердито смотрящего на незваного луча*. Тот, признаться, вовсе не ожидал такого приема. Оробел, сник. Не в его характере было такое, а вот же...

До стойбища добрались быстро. Дмитрий первым выпрыгнул из лодки на берег, а потом на руках вынес свое сокровище.

Красивый, крепкий отец Монго что-то сказал пожилому лодочнику, и тот легонько толкнул парня в сторону реки. Но трепетно дрожащие, крепко переплетенные руки влюбленных никак не удавалось разъединить. Они то расслаблялись, то вновь сцеплялись намертво, давая себе возможность побыть рядом, хоть на минуту дольше. Пожилой эвенк с пониманием и сочувствием поглядывал на влюбленную пару. Щуря и без того узкие глаза, терпеливо накручивал на большой палец свой длинный белый ус. Но после очередных нетерпеливых, возмущенных возгласов Эмидак теперь уж напористо, раз за разом толкал в плечо незнакомца. Отшатнувшись от горячо дышащей избранницы к лодке, Дмитрий запрыгнул в нее, успев на прощание шепнуть девушке, что его буровая вышка неподалеку от их стойбища, и он будет ждать любимую каждый вечер у Лунной косы. Старый эвенк не говорил по-русски и молча доставил его обратно в Байкит.

На первом же свидании Людмила сообщила о непреклонном решении отца породниться с Онкоулем Момолем. Свадьбу назначил на июль. В чуме о луче и говорить запретил. Но упрямец дочь решительно отказывалась подчиняться воле родителя. Они впервые поссорились. «Не позорь мое имя и честь древнего рода! Я сдержу слово, данное Момолю, и ты станешь его женой! Будешь еще благодарить за достойного мужа!» На этом Эмидак тогда сам прервал разговор, считая решенной судьбу дочери.

Спасая любовь, Дмитрий с Людмилой ломали головы, как устроить побег, понимая, что он возможен только в отсутствие Эмидака. Тот вроде собирался уйти на дальнейшее стойбище для пополнения перед свадьбой стада диких оленей. Юноша сразу уцепился за обнадеживающее обстоятельство, повеселел:

— Надо не упустить посланную нам свыше удачу! Возьмем с друзьями отгулы и под видом рыбацкой артели подежурим у реки в ожидании счастливого часа.

Но ничего из их затей не вышло бы, если бы выбор дочери не поддержала мать Людмилы Элана. Будто угождая мужу и жениху, она готовилась показать богатое невестино приданое, набивала куль за кулем роскошной постелью, посудой, шкурами да баргузинскими черноспинными соболями. Шила дорогие одежды томноокой любимице, благословляя единственную кровинку в новую жизнь, жизнь с любимым. Счастье для самой Эланы с привезенным знатными родителями мужем Эмидаком так и осталось несбыточным сном...

* Луча — русский (эвенк.)

Опытный и умный Эмидак, тревожась за дочь, учуял неладное и под всякими предложениями оттягивал время своего ухода в тайгу, неотлучно оставаясь в чуме.

А дни таяли и таяли, словно легкие облака в бездонном небе. Теперь уж считанные часы отделяли Людмилу от ненавистного жениха Онкоуля. Но Монго так и не решился оставить непослушницу без присмотра. Дотянул до последнего дня, до сумерек, и только тогда уплыл встречать прилетающего в Байкит ранним утром дорожного зятя Онкоуля.

«Вот она, моя жар-птица, судьба! Сейчас уж я поймаю ее!» Под покровом ночи счастливый Дмитрий вынес на руках из родного чума вмиг повзрослевшую, зареванную, но безумно счастливую Людмилу и унес к могучей, бурной Тунгуске — реке их новой жизни. Она уплывала с любимым дальше и дальше от родного берега. Покачивающийся в зеркально-серебристых волнах девичий силуэт вскоре исчез. Надолго. Навсегда.

Когда жена сообщила Дмитрию о второй беременности, он, кружа Людмилу в объятиях, пел и плясал. Их радости, казалось, не будет конца.

— Завтра же пошлю аргиш* к Эмидаку. Пусть твой отец с матерью перекочевывают к нам нянчить внуков. Хватит деду дуться. Скоро третьего наследника подарим, а ему все нейдет. Не молодые, чтоб одним в тайге жить. Как думаешь, прав я?

Как ей еще было думать-то. И только утром муж спросил:

— А можно ли тебе, солнышко, рожать? Врачи и первые роды нам не разрешали! — Люда уверенно и игриво ответила:

— При моей-то силушке грех, Митя, не рожать! Не беда! Медики страшат, мол, мой отрицательный резус фактор при положительном мужа — большой риск, но ведь родила близняшек-то. И ничего, слава Богу, здоровенькие.

— И то, правда. Быстроногие первенцы, словно кедрята на южном взгорке, подрастали час от часу. Без пяти минут двухлетки. Мужики! А тебе, знаю, не терпится вновь насладиться материнством. Рожай, радость моя, рожай. И десятерых прокормлю.

Крепко любил он своих черноглазых баркачан**. Те напоминали ему птенцов болотного черныша — задиристых, крикливых. Не проходило двух недель, как таежные чернышата начинали летать. И эти, амосики на одно лицо, заговорили и встали на ножки — года не было. Только мать скажет, кто из них кто. Толно от Коли отец отличить не мог. Но папа — хитрый. Быстро сообразил и Толе стал прикалывать сзади к рукаву маленькую булавочку. Люда удивлялась:

— День-деньской с ними, но совсем недавно стала их уверенно различать по вечным торчащим волосикам на макушке у Коли, а ты как-то быстро...

— Я — папа, мне кровь подсказывает! — улыбался довольный своей смекалкой муж. Но при первой же стирке его «хитрушка» обнаружилась.

— Дим! Твоя «зарубка» чуть палец насквозь не проколола! Сознаешься по хорошему, бить не стану, — шуточно и примирительно потрепав его смоляные вихри.

Редкие часы общения с малышами для Дмитрия — самые счастливые. Он полностью отдавался на откуп детских фантазий. Сынишки-шалунишки зарывали его в прибрежный песок, ставили на четвереньки и до своего полного изнеможения катались на отцовской спине. Раскрашивали терпеливого папу под собачку, зайчика и Вину Пуха. Уставших, но не утомившихся малышкой Дмитрий усаживал на колени, весело читал им полюбившиеся «Уйгурские сказки». Потом серьезно расспрашивал: что запомнили. Мальчишки наперебой улюлюкали. Гомону — на весь дом! Но Дмитрий с вниманием слушал, подбадривал, поддакивал, будто что-то понимал в их бесконечном лепете, нежно глядя черные, пушистые головки.

* Аргиш — перекочевка (эвенк.)

** Баркачан — медвежонок (эвенк.)

В те годы семья жила в глухой заимке Куюмбе. Амосов работал мастером в версте от дома за Рыбачьим мысом на буровой. Та пикой упиралась в небосклон, по ночам пытаясь нанизать на себя игривые, подмигивающие, но всегда ускользающие от нее звезды.

В пургу, пятидесятиградусные морозы, когда и тайга-то от стужи кукожилась, смиренно укрывалась плотным белоснежным покрывалом, Дмитрий до полуночи стоически что-то мастерил в кузнице. Кому-то ладил отвалившиеся от саней полозья, кому-то «штопал» кухонную утварь, а Толе с Колей вечно ломающиеся игрушки.

Кормилица буровая давала щедрое пропитание куюмбовским семьям. Здесь зарабатывало на хлеб с маслом все местное мужское и женское население. Дмитрий же работать жене не разрешал: хватало ей дел по дому. Нуждались в уходе и неустанном внимании шустро растущие мальчишки. Теперь и до родов Людмиле оставалось всего два месяца. Надо бы ей слетать в Байкит к врачу, но погоды стояли нелетные: жгучий морозище с северным иглистым ветерком. В таком адском холоде даже металл сам по себе крошился, как сталинит при ударе. Вертолетчики отсиживались дома, по нескольку раз за день выбегали на крыльцо, вглядывались в мгlistое небо и вымаливали у него милости.

Воздушное пространство над тайгой и заимкой в тот день наполнила радужно искрящая алмазная изморозь. Низкое солнце, пробивающееся к земле блеклым, рваным блином, лениво, безучастно сливалось с белой, стылой безбрежностью. И лишь дымящиеся печные трубы из домов да снежные коридоры лабиринтов, протоптанных вишьрь в два-три человеческих следа, обозначали в бесконечном царстве звенящей стужи обычную жизнь северян.

Дмитрий был на буровой, когда у Людмилы внезапно начались схватки. Соседей не дозвешься, и она, наскоро одев притихших ребят, вышла с ними на улицу. Кружилась голова, отнималась спина, резала ножом боль внизу живота. «Неужели роды?» Потом мало что понимала, но крепко держала в своих руках маленькие ручонки сынков. Ее с детьми догнала чья-то санная повозка, отвезла в медпункт.

Повар с буровой передал фельдшернице Марии Ивановне с рук на руку теряющую сознание Людмилу и ее замерзших, скулящих у ног безмолвной матери двухлеток, а сам помчался к Амосову.

В переднем углу конторы нефтяников на сколоченной из тесаных досок тумбе стояла единственная на заимке старенькая рация, которая неплохо работала при умеренно низких температурах. Но тут радист, как ни старался, настроить ее не смог. Это означало, что на санавиацию из Байкита рассчитывать не приходится.

Не раз в таких случаях опытная фельдшерница успешно справлялась сама. Но сегодня все складывалось против роженицы: отрицательный резус-фактор, кровотечение и... кома. Мальчик родился чудом, измученный, обессиленный сопротивлением сильным рукам чужой тети, вытянувшим его из тьмы.

Мама Люда уже была не с ним...

Малыш то на мгновение проваливался в тревожный сон, вздрагивал, жалобно всхлипывал, затихал, то снова по-щенячьи взвизгивал, плакал. Словно опротестовывал свое насильственное появление на белый свет без мамы...

Мария Ивановна, вырастившая своих троих детей, по-матерински крепко привязалась к незаслуженно обездоленному судьбой на сиротство Андрюшке, ласково называя его «чернышом-амосенком», «крестничком». Держала более месяца в стационаре, не доверяя никому заботу о нем. В свободное от приема время склонялась над кюветкой беспокойного пациента. Постоянно разговаривала с ним, готовила молочные смеси, купала в травяных настоях. Городским летчикам заказывала разные детские премудрости, которые помогали крохе набираться сил, расти.

Вскоре Андрюша по-амосовски твердо решил смириться с навязанной ему жизнью, остаться в этом неуютном мире, чтобы поближе самому рассмотреть и познать его. Теперь уже почти не плакал, а все искал угольными, раскосыми глазенками добрую тетю в белом халате, ждал нежного прикосновения теплых рук, которым был обязан своим рождением. Наверстывал упущенные блага сном. Просыпаясь голодным волчонком, аппетитно опустошал приготовленные ему молочные бутылки.

Малыш крепчал!

Отец часто бывал рядом с Андрюшей, оставляя старших на попечение рано овдовевшей, бездетной сестры Сони, решившейся на время оставить солнечный Сочи, чтобы помочь брату подрастить сыновей.

Амосов уволился с буровой, чтобы тоже заботиться о малых детях. Каждый год с весны и до первого снега семейство проживало на дальнем зимовье. Сытно кормили их хлебосольная тайга и большая рыбная река Подкаменная Тунгуска. Потомственный таежный промысловик обеспечивал семью всем необходимым. Подрастающие парнишки охотно помогали ему. Отец приучал сыновей к тайге. Теперь она им — мать. Сам же любил берендеево царство всей душой, преданно, заботливо. Оберегал свои уголья от браконьеров, заботился о зверином и крылатом лесном живье. С раннего детства приучил мальчишек добрыми делами почитать их зеленую кормилицу, строго требовал соблюдать свои охотничьи заповеди: «Понапрасну — не губи!», «Беззащитным — не вреди!», «На дармовое — не жадничай!». Не словами — на деле показывал, как следует жить в таежном мире.

Сыновья в своей уже взрослой жизни, жизни без отца, помнили эти наказания. Хранили в памяти и случай, как отец однажды привез в дом маленького лосенка, названного им Валькой. До мельчайших подробностей он запечатлелся тогда еще подростку Андрею — «младшенькому».

...Малыш Валька едва стоял на нестойких, дрожащих, непослушных ногах. Скорее всего, был у лосихи вторым теленком, по воле какой-то нелепой случайности отбившемся от матери. Отец, «ставя на учет» по окрайку глухариные кладки, сильно испачкался и спустился к распадку, чтобы привести себя в порядок. Подойдя ближе, прислушался. Впереди что-то трещало, ерзало, мычало и хлопалось в воде. Рискую безнадежно увязнуть в вековых завалах, все-таки пошел на шум. Вскоре увидел застрявшего между поваленных ветром и старостью деревьев маленького лосенка. Долго не думая, пробился к нему и высвободил малыша из смертельно опасного плена. Смельчаку, тут же названному им Валькой, не дал и недели от роду. Оголодавший и слабый, тот отчаянно пытался самостоятельно выкарабкаться на сушу. Но скользкий, трухлявый сушняк обламывался под острыми и быстрыми копытцами, крошился и снова тянул упряма в студеную талую воду. Этот треск, услышанный Амосовым, и спас бедолагу. Не произойди встреча с отцом — ему б не жить!

В доме Валька быстро освоился, отогрелся в теплом предбаннике на старом отцовском полушубке. Напился молока с манкой, отоспался. И назавтра уже шустро бегал по подворью, брыкался, высоко подпрыгивал и тузил забор. Полюбил тетю Соню, почему-то считая именно ее своей матерью. Стоило той спуститься с крыльца, как чуткий Валька оставлял забавы, мчался к «мамке» стрелой, облизывал, тычась симпатичной мордочкой ей в живот. А когда она выносила лосенку пойло — молоко с кусочками размоченного хлеба — чуть не сшибал кормилицу с ног, на лету хватая и засасывая в рот края ее цветастого фартука. Бесконечные Валькины наскоки от подарка брата ко Дню 8 Марта вскоре оставили лишь жалкие, жеванные лохмотья.

Прислонив ведро к забору, тетя Соня ногами, и руками пыталась удерживать алюминиевое ведерко в стоячем положении. Но Валька всякий раз, прежде чем приступить к очередной кормежке, старался поддать долгожданному ведру копытом и

только после этого спешно окунал в аппетитное питье ушастую мордочку. Лишь изредка его голова высывалась наружу, чтобы хлебнуть воздуха. Лосенок громко сопел, фыркал, мотал белой, мокрой мордой.

В такой час откладывались дела, и вся семья с восторгом наблюдала за любимцем. К концу трапезы Валька от копыт до холки был в молоке и крошках. Пойла хватало и на всех нас. Лобастый шустрик не по разу благодарно обегал семейный круг, оставляя на каждом печать телячьей нежности и признательности, а заодно изрядно испачкав одежду своих почитателей. За сутки малыш набирал около двух килограммов привеса.

— Осенью,— вспоминал Андрей,— отец навсегда разлучил нас с лосенком. «Это зверь. Таежный зверь! Не игрушка вам. Его место там, на лесных тропах». И увез Вальку на дальнее зимовье за Медвежью гору. Быстроногого, упитанного, с явно обозначившимися, набухающими на лбу бугорками.

...Как-то, два года спустя, повстречались они на узкой, каменистой лосиной тропе. Отец узнал его издали. Но Валька остановился первым. Задрал голову, долго смотрел на идущего навстречу человека. Чувственными, влажными и волосатыми ноздрями втягивал глубоко в себя летящий от него ветерок. Словно в раздумье переминался с ноги на ногу, хрипло мычал, прижимаясь упитанным крупом к поросшему лишайником скальному выступу. И замер, словно что-то сопоставлял и припоминал.

Отец остановился в нескольких шагах от могучего красавца. Протянув к нему руки, тихо позвал: «Валька! Валька...» И тут же, вздыбив копытами известняковую пыль, молодой лось ринулся к своему спасителю. Приблизившись, трижды обегал его, потом остановился, приосанился. Мотая головой, будто хвастался сильными, ветвистыми рогами. Добродушно хоркал, сопел, хукал. Как в лосячем детстве, осторожно прижимаясь к родному существу торсом. Потом подошел вплотную. Слегка склонившись, стал лизать лопастым, розовым языком старенькую фуфайку, лицо и руки отца. Теперь в холке Валька вымахал под два метра и весил около полтонны.

Расчувствованный благодарной памятью, отец дрожащими ладонями гладил доверчивую, тычущуюся в него Валькину морду. Зверь млел от удовольствия, когда добрый человек ласково трепал за длинные уши, теребил свисающую на грудь клином густую, шелковистую бороду, одобрительно хлопал ладошками по высоким, стройным ногам.

Так вот они долго и близко общались, оба довольные и счастливые от неожиданной встречи, хорошо понимая друг друга и разговаривая на языке идущих от сердца звуков и телодвижений...

Расходились в разные стороны медленно, неохотно, будто, зная наперед, что никогда уже их тропы не пересекутся...

Много позже Дмитрий Амосов погиб в тайге не от клыков и копыт диких зверей, с которыми прожил свой век бок о бок. Его убила шальная браконьерская пуля, бездумная рука злого, ненасытного человека. Нет, не человека... Нелюдя.

В ту горестную весну, навечно разлучившую сыновей с отцом, старшие близнецы Анатолий с Николаем бороздили моря и океаны капитанами дальнего плавания, «младшенький» Андрей работал в Эвенкийской нефтеразведке бурильщиком.

Сыновья помнят и любят отца по-прежнему нежно, как в далекие годы своего взросления.

